

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
«КОЛЛЕДЖ ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН
ИМЕНИ СВЯТИТЕЛЯ АЛЕКСИЯ,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКОГО»

ПРОГРАММА

«ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Модуль дисциплины «Литература»

для студентов 1 курса специальностей:

44.02.02 Преподавание в начальных классах

44.02.05 Коррекционная педагогика в начальном образовании

ТОЛЬЯТТИ (СТАВРОПОЛЬ-НА-ВОЛГЕ)

2016

СОГЛАСОВАНО научным руководителем, председателем Управляющего совета
Гуманитарного колледжа **ф.н. протоиереем Д.Ю. Лескиным.**

Утверждено на заседании кафедры (цикловой комиссии) социально-гуманитарных дисциплин: протокол № 1 от 03.09.2015 г.

Председатель: **Григорьева-Ершова Т.И.**

Рецензент:

Лысова О.Ю., к.ф.н., заведующий гуманитарной кафедрой Поволжского православного института.

Авторы-составители: **Н.П. Маштакова, Д.Ю. Лескин, протоиерей**

Православие и русская литература: спецкурс для студентов в рамках дисциплины «Литература» 1 курса педагогических специальностей / Маштакова Н.П., Лескин Д.Ю., протоиерей – Тольятти: ГБПОУ СО «Гуманитарный колледж», 2015. – 48 с.

В пособии представлена попытка анализа произведений с точки зрения православного читателя от открытий духовного бытия в русской классической литературе 19 века к поискам духовности в произведениях 20 века и нашего времени. Курс призван показать отражение православной веры и национального самосознания в творчестве русских писателей.

Курс адресован студентам 1 курса специальностей «Преподавание в начальных классах», «Коррекционная педагогика в начальном образовании», абитуриентам, слушателям подготовительных курсов и может быть использован для самостоятельной подготовки.

© Государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение Самарской области «Колледж гуманитарных и социально-педагогических дисциплин имени Святителя Алексия, Митрополита Московского», 2016 г.

Введение

Школьная практика преподавания истории русской литературы от Радищева до наших дней была выстроена в строгом соответствии с мифологией романтического национализма, где литература считалась отражением духа и воли народа, а целью её преподавания была идеологическая функция. Именно в это время ушло из обихода выражение «духовная жизнь». А что изменилось сегодня? Ничего.

По многим причинам основное своеобразие русской литературы исследователями и критиками было мало затронуто. А важнейшее в нашей культуре и словесности – её православное миропонимание, религиозный подход к отображению жизни. В нашей литературе всегда присутствует попытка найти разгадку Неведомого – о Боге, о Бытии, о смысле жизни, добре и зле – о том, что ждет за гранью жизни и смерти. От чего эта сосредоточенность на духовной сущности человека? От Православия.

Свое творчество русские писатели осознавали как Промысел Божий. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть...» – это было аксиомой для русского писателя, аксиомой высочайшего предназначения словесности. Гармония в человеческой личности и отношений в обществе не может быть достигнута без Божьей помощи, одним общим усилием человеческой воли и разума. К сожалению, сегодня особенно актуальны слова С.Н.Бердяева о том, что «поразительно невежество нашей интеллигенции в религии».

Каким образом можно преподавать литературу на основе принципов Православия в обществе, где религиозное начало находится, мягко говоря, не в состоянии расцвета, где подавляющая часть людей равнодушна к вере, где система образования находится в состоянии затянувшихся реформ, очень напоминающих кризис, где демографический фактор работает в пользу исламских народов.

Подход первый – под аспектом знания о нравственности, опыт которой обращен к личности каждого, то есть с точки зрения опыта любви, которым пронизан Новый Завет.

Подход второй – от художественного восприятия религии, её культуру-образующей функции: все самое лучшее на протяжении тысячелетий люди посвящали Богу. Именно религия формировала эстетические идеалы. Православие всегда было в центре русской культуры: оно служило ориентиром в духовных поисках и в художественном творчестве.

В наше время словесник берет на себя важнейшую функцию: почти в одиночестве он противостоит мощному потоку псевдокультуры, основанной на трёх точках самосознания – рынке, собственности, капитале.

Данный курс обусловлен необходимостью разработки методического обеспечения по интерпретации произведений русской литературы с позиции Православия.

Концепция программы курса включает в себя следующие аспекты:

- развивать, углублять содержание базового курса литературы, с точки зрения Православной культуры
- Осмыслить специфику русской литературы в сравнении с европейской.
- Показать глубину и многосторонность художественного постижения мира русскими православными писателями.
- Вывести «формулу» западного и русского мировоззрения
- Совершенствовать навыки анализа художественных произведений.
- расширять познавательные потребности творчески работающим учащимся
- получить дополнительную подготовку на профильном уровне.

Работа в данных аспектах направлена на аналитическую, творческую, исследовательскую работу учащихся на уроках литературы.

Цели и задачи программы.

- Обучать школьников самостоятельности в добывании знаний, уметь проводить аналогии, обобщать материал, ставить и изучать проблемы.
- Обучать анализу и интерпретации художественного произведения.
- Развивать потребности постоянного общения с лучшими образцами литературных произведений
- учить грамотно и обоснованно выражать свое мнение
- Развивать учебную мотивацию и художественное воображение

Анализ – это исследование литературного текста, позволяющее постичь художественную реальность произведения, услышать и понять автора. Цель анализа литературного произведения в школе не научное описание, исследование, а практическое, читательское освоение художественного произведения, понимание нравственной и эстетической значимости, художественной ценности произведения. Естественно, анализ художественных произведений в школе опирается на достижения научного литературоведческого анализа. Как анализировать произведение? Невозможно предложить универсальную схему такого анализа, но в школьной практике должны быть так или иначе рассмотрены важнейшие его компоненты: творческая история произведения; тема, проблемы; жанрово-композиционное своеобразие, образная структура, художественные приемы и средства выражения авторской идеи.

Интерпретация – истолкование произведения. Сочетание этих двух начал поможет ученику правильно понять авторский замысел, погрузиться в глубину понимания нравственных проблем, поднимаемых русской классической литературой.

Триединая цель данного спецкурса:

1. Познавательный аспект.
 - Учить и научить каждого ребенка давать и интерпретацию прочитанного, и его анализ.
2. Развивающий аспект.
 - Развивать коммуникативные навыки учащихся, совершенствовать логическое мышление
 - Овладение учащимися основными способами анализа и интерпретации художественного текста
3. Воспитательный аспект
 - Способствовать формированию воцерковленной личности учащегося, его нравственных качеств на примере лучших образцов русской прозы.

Содержание программа спецкурса

№	Тема	Содержание	Количество часов
1	Введение в спецкурс	Категории морали и нравственности в анализе художественного произведения	1
2	Западное восприятие мира и русское мировоззрение	Западное восприятие мира – это черный квадрат. Русское мировоззрение отражается в русском ангельском искусстве, в русской литературе	1
3	«Мцыри» – исповедь христианина	Лирический герой как воплощение авторского мировоззрения	2

5	Деталь в пьесе Островского «Гроза»	Символика в христианской культуре	1
6	Православный Пушкин	Показать значение образа автора для интерпретации и анализа произведения	8
7	«Капитанская дочка»	Мораль и нравственность, чем руководствуются Гринев и Швабрин, Мария Ивановна	1
8	«Евгений Онегин»	Понимание «нормы» Татьяной и Онегиным	1
9	Анализ лирического стихотворения А.С Пушкина 19октября (1927)	Показать роль композиции в анализе текста, влияние их на восприятие произведения	1
10	Православная тема в произведениях Н. С. Лескова,		1
11	Развитие духовной тематики в русской поэзии (К. Н. Батюшков, Е. А. Баратынский, А. С. Хомяков, Ф. И. Тютчев, А. К. Толстой, В. С. Соловьев, А. А. Ахматова).		2
12	Понимание человека как неотъемлемой части Бога в произведениях И.А.Бунина.)	Символы бездуховности в рассказе «Господин из Сан-Франциско». «Чистый понедельник» - прощание на пороге монастыря.	1
13	Православный подход к прочтению поэмы А.Ахматовой «Реквием».	Тема мученичества, Богоматери в поэме. Образ Магдалены.	1
14	Православные мотивы во фронтовой поэзии (по творчеству К.М. Симонова)	Выбор перед лицом Бог	1
15	Итоговое занятие	Создание собственной аналитической интерпретации	1

Формы работы на занятиях спецкурса могут быть использованы самые разнообразные. Многообразие методов и форм учебной работы – необходимое качество, второй (наряду с содержанием обучения) источник развития познавательных интересов студентов. Беседа фрагментарно включается в лекцию, становится разновидностью практических и семинарских занятий. Практические занятия имеют, как правило, тренировочный характер, они способствуют развитию сложных литературных умений на основе повторения и обобщения теоретико-литературных знаний; студенты выполняют

много самостоятельных работ сравнительно небольшого объема и конкретного содержания, преимущественно в процессе самих занятий. Здесь обогащаются и совершенствуются принципы и методы анализа литературного произведения в целом и отдельных его сторон, приемы работы с художественным текстом, критическими статьями, научными текстами, мемуарами, развиваются библиографические навыки и умения.

Семинары – форма учебных занятий, представляющая наибольшую самостоятельность студентам при работе над художественным текстом, научной и критической литературой; на семинарах создаются благоприятные условия для обмена мнениями, для дискуссии. Основными элементами семинарской работы являются рефераты, доклады учащихся, обсуждения докладов, развернутая беседа по отдельным проблемам, выдвинутым докладчиками или предложенным руководителем, вступительное и заключительное слово преподавателя по общим проблемам семинара. Кроме того, для семинара, диспута большое значение имеет такая форма обучения, как консультация для всех слушателей спецкурса и особенно для докладчиков. Индивидуальные и групповые формы учебной деятельности студентов, которые также сочетаются в различных комбинациях на конкретных занятиях в зависимости от целей и задач.

Для беседы и диспута преподаватель готовит темы и вопросы, он разрабатывает задания и упражнения для практических работ, темы и планы семинаров.

Задания для групповой работы должны иметь проблемный характер, т.е. заключать в себе познавательное затруднение, побуждать к активному использованию знаний и умений, составлять основу для коллективной деятельности и обмена мнениями. Все группы могут получать одинаковые задания, и тогда возникают предпосылки дискуссии; или получать разные задания в рамках общей темы, и тогда каждая группа вносит свою долю информации в раскрытие этой темы.

Традиционно в рамках спецкурса могут использоваться деловые и ролевые игры, проекты, презентации и т.д.

Рекомендации в прочтении произведений и раскрытии тем

Категории морали и нравственности в анализе художественного произведения

«Царство Небесное силою берётся» (Мф.11,12)

Развитие личности требует огромного духовного труда над собой. Но когда мы говорим о духовно-нравственном воспитании, нужно представлять, чем духовность отличается от нравственности и морали. Многие проблемы происходят оттого, что современный человек мыслит и действует так, как нельзя – категориями морали, а не нравственности. Нравственность имеет принципиальное отличие от морали.

Мораль имеет способность необыкновенно гибко приспосабливаться к ситуации и позволяет оправдать самые циничные вещи, если какая – либо социальная группа имеет в этом интерес. Мораль регулирует поведение человека именно в обществе. Нравственность – это тоже форма общественного сознания, но опирается она на общечеловеческие ценности и не может отражать интересы какой-то одной категории людей – в ее основе лежит всеобщее.

Нравственность человека рождается в борьбе с влечениями, страстями. Нравственный человек способен отвечать за себя и окружающее пространство, делая его лучше. Деградация в нравственном отношении – дело настолько естественное для человеческой природы, что для этого достаточно просто поленился, вспомним Обломова, а вот нравственный рост требует сложной сознательной работы.

Для Православного человека нравственность является следованием евангельской духовности. Человечество не знает высшей этики, чем та, основы которой открыл Христос:

она свободна от времени и индивидуализма. Многие дела и поступки внешне могут быть оценены как весьма нравственные, однако есть такое выражение, как «святой сатана» - о человеке, который делает все правильно, а дух его исполнен гордыни и тщеславия.. Нравственный закон попираем страстями, корень которых – природные основы человека, но именно нравственное начало делает человека Человеком, требует сделать выбор на грани возможностей. Нравственность – это уже мир Духа.

Западное восприятие мира и русское мировоззрение

Западное восприятие мира, как уже было сказано, все больше походит на черный квадрат. Русское мировоззрение отражается в русском ангельском искусстве от Святой Троицы святого иконописца Андрея Рублева до Святой Руси благочестивого живописца Ильи Глазунова.

Зло через историю до наших дней быстрее преуспевало, нежели добро, ведь человечество живет в состоянии падения с унаследованным первородным грехом. Только моральным подвигом борьбы со грехом и страстями человек может побороть зло. Сколько людей готово бороться за свое спасение? Вечный моральный закон (заложенный в совести каждого человека) нам дается как указатель пути ко спасению всем народам. Но многие, и прежде остальных, богоизбранный еврейский народ вступили на путь идолопоклонства, служения Мамоне, поклонению духам предков, ложным богам земной культуры, науки, техники, политическим идолам государств и рас. И только Россия и святорусский народ с духовным и военным оружием остается единственным препятствием для триумфа тайны беззакония и всякого зла, которые замышляет и творит Запад.

Западные варвары освоили Первый Рим, который затем их приручил верой, правом, культурой, философией, наукой. Античная глобализация и колонизация от греческого полиса, римской республики, империи дает миру идейный космос, который помогает Святым Отцам Церкви в формулировке догматов.

В Римской Империи рожден Единородный Сын Божий, Иисус. Новозаветная идея спасения становится ядром идеологии Второго Рима в 4 веке. Духовную, идейную, культурную, политическую перестройку из языческих в христианскую цивилизацию можно рассматривать как синтез новозаветной идеи о спасении со свежей энергией новоначальных. Равноапостольный Царь Константин для нового духа устраивает новую столицу, новый Рим, на Босфоре.

Римская Империя распалась на Западную и Восточную. Западная Римская Империя затем распалась на Германию, Францию, Италию, Австрию, обособляясь дальше в феодальных державах и городах, под властью римского епископа. Когда мы говорим о Западе, мы, прежде всего, говорим о римско-католической и протестантской Европе, которая географически принадлежит южной, центральной Европе и западной части Балканского полуострова. Запад использует латинскую азбуку. Ее конкистадоры освоили Америку, Африку, Австралию, Новую Зеландию и частично контролируют Индийский полуостров и Ближний Восток.

Духовный Запад после раскола ведет крестовые войны во имя Христа. Римско-католические властители грабили, опустошали и устраивали геноцид над покоренными народами: над Славянами, Греками, Африканцами, Арабами. Духовная мать России Византия (Восточная часть Римской Империи) в это время воспитывает, крестит и культурно просвещает Русских и остальных Славян. Царьград посеял самые правильные знания о Боге и земном мире, о спасении как цели жизни на славянском пространстве. Византийским оружием было перо и переведенные богослужебные книги учителей Кирилла и Мефодия, а также их последователи Климента, Наума и других. Византийско-славянские династические браки, разрешение самостоятельности поместным славянским Церквям, монашеская культура подготовили Москву взять на себя бремя покровительства над всеми Православными после падения Царьграда. Константинополь передал Москве симфонию духовной и государственной

власти, которая отличает на русском гербе древний двуглавый орел с короной. Во время освобождения России от татаро-монгольского ига Болгары и Сербы впадают вместе с Византией в турецкое рабство.

Россия дышит Православным Символом Веры, Святой Литургией Иоанна Златоуста и Василия Великого, утренним и вечерним правилом, первым, третьим, шестым и девятым часом. Остается нам молиться за осуществление пророчества святого Серафима Саровского о присоединении остальных Славян к возрожденной православной Русской Империи после великого страдания. Русские отдают предпочтение духовности, стяжанию благодати Божьей, спасению души, а не меркантильному стяжанию материальных богатств. Характерен для России годовой круг церковных праздников с четырьмя длительными постами и большим количеством нерабочих дней (для отдыха и духовного делания). Запад отбросил понятие духовной аскетики, пост стал символичен, только в Великую Пятницу, а молитва западной культуры ныне свелась к чтению газетных новостей. Римо-католическая месса реформирована и сокращена, а протестантизм совсем отбрасывает церковность.

Миролюбивая Россия на юге находится под прицелом ислама, а с запада имеет угрозу от римо-католиков. В 1439 году Флорентийская уния окончательно погубила Византию. Запад предал Греков и турки вошли в Царьград. Господь возвеличил Москву как Третий Рим, наследницу Византийской Империи и вселенский духовный светильник. Это подтверждено династическим браком Софии Палеолог, внучки Михаила Палеолога Второго с князем Иваном Третьим.

Христовы блаженства из Нагорной проповеди стали основой русской идеологии. Во внешней политике нынешние демократические власти Российской Федерации все также великодушны, оказывают материальную, дипломатическую и военную помощь слабым государствам, многое прощая. Что касается внутренней политики, властные структуры защищают интересы крупного капитала и придерживаются либерального прозападного курса. Конечно, иногда бывают уступки народу типа повышения мизерной пенсии и введения основ православной культуры в школах, из страха перед возрастающим народным движением. Русский крест благ. Русские всегда помогали другим народам без лукавства, не требуя ничего взамен. Например, русская дипломатическая война, материальная поддержка была существенной во времена восстания южных Славян против турецкого ига на протяжении 19 века.

История России началась Крещением. И вся история России есть история духовного подвижничества, которая расширяется евангельским путем, личным примером, старчеством, книгами, пером. Русский взгляд на мир чисто православен без языческих примесей античной философии. То, что Святые Отцы, водимые Духом Святым формулировали на Семи Вселенских Соборах стало русским соборным катехизисом, русской геополитической, культурной и национальной идеей.

Западная идея синтезирует в себе древний культ Мамона (стяжание богатства и силы), идею Аристотеля (природа и наука), гуманизм (человекобожие) и поклонение людской культуре (обожению твари, а не Творца).

Отличие русского взгляда на мир от западного красноречивее всего звучит в евангельской притче о мытаре и фарисее. - «Боже, милостив буди мне, грешному», - тихо молился мытарь, сокрушенно осознавая свою немощь перед Богом. И Господь принял покаянную молитву мытаря. Это русский смиренный путь. «Благодарю Тебя, Боже, что я не такой, как другие...», - говорил фарисей, и его молитву Бог не принял.

О чем свидетельствует реальная история Запада за последние тысячу лет? Как то, что Люцифер ангел, из зависти и гордости восстал против Творца и привлек одну часть ангелов на свою сторону, и был свергнут с Небес в поднебесье, так и Римская церковь пошла путем секуляризации. Западная индивидуальная свобода ведет к постоянной духовной перестройке (еретической сплоченности, уничтожающей догматы Семи Вселенских Соборов. Верность Богу, Запад заменил верностью римскому папе).

Римско-католическая и протестантская цивилизация всю энергию направила на создание своего рая на земле. Западнический рай меркантилен: если человек материально богат, значит, он имеет «благословение» - так учат протестанты. В борьбе за свой рай, то есть земные блага, западная цивилизация расширила ад на всех континентах, сражаясь за ресурсы... Западный взгляд на мир похотлив, погружен в страсти, которые надо удовлетворять всеми средствами. Гуманизм и ренессанс, славящие античных богов, подтолкнули развитие материалистической науки, техники и мистики. А римские папы семейства Борджия превзошли своими безбожными оргиями вероломных императоров, таких как Калигула и Нерон.

На Западе долгое время бытует ложное, искаженное представление о русской суровости и деспотизме. Во время Царя Иоанна Грозного, о котором на Западе утвердилось мнение, как о свирепом тиране, на Западе действовала гильотина, использовались виселицы для бродяг, только за одну Варфоломеевскую ночь в 1572 году было убито несколько тысяч протестантских гугенотов. За пятьдесят лет своего правления Иван Грозный осудил на смертную казнь около пяти тысяч преступников. Это ничто по сравнению с целой галереей западных тиранов, таких как Екатерина Медичи, Елизавета Тюдор, шотландская королева Мария Кровавая или Кромвель. В русской истории нет такого явления, как римско-католическая инквизиция, которая в Западной Европе действовала веками. Можно сказать, что смертная казнь в России была редкостью. В России бродяг принимали как странников, посланных Богом. Тема крепостного права является также показателем отличия западной и русской идеи. Западный феодализм на протяжении всех средних веков твердо привязывал крестьянина к земле феодала. В России только в 16 веке крестьянин прикреплялся к помещику, хозяину земли, который имел военную обязанность. У каждого было свое православное послушание перед Богом, то есть Царем и Церковью: монашество молилось за православную власть, Царя, бояр, войско и весь народ, бояре и дворяне обязаны были на поле брани защищать отечество, крестьяне обрабатывали землю. Только во время прозападных государей, Петра Первого и Екатерины Второй, имения раздавались дворянству за военные заслуги и становились наследственными.

Русский духовный взгляд на мир поднят к небесам, духовным красотам райского блаженства, которые нас ждут, если исполняем Заповеди, имеем веру, добрые дела и, прежде всего, любовь к ближнему. Западный взгляд на мир свелся к анализу природы и человека-микрокосмоса. Западный человек бросил все свои силы на изучение анатомии растительного и животного мира, человеческого тела, минералов и космоса. Если сравним фрески и иконы Дионисия и Андрея Рублева с произведениями западных художников Микеланджело и Рубенса, то приходит вывод: русское искусство сохраняет православный взгляд на мир, блаженные, как подобает жителям Царства Небесного. На полотнах западных мастеров и в средние века доминирует плоть, изможденная, скрюченная или похотливая. Ренессанс стал окончательной победой плоти, страсти, в западных дворцах и храмах, а Господь и ангельский мир стали изображаться в античном духе.

Города Европы на место Христа поставила культуру, науку, все материальное, проходящее. Запад пошел путем фарисеев, лукавых людей, которые замаскировались под благочестивых. Как сатана вошел в Иуду и через него действовал на евреев, так дух гордости и зависти через западные ереси, римо-католическую и протестантскую, ослабил духовный иммунитет людей. Европейцы словно зрелые груши падают в челюсти культуры без Бога, которую святой Николай Сербский называет сбродом всех зол. Он даже составил молитву против европейской культуры, которая славит пыль, губительные вещи, дела рук человеческих, Господа, который изгнан из европейских университетов.

«Отче, прости их, ибо не ведают, что творят», - Христовы слова не относятся к еврейским священникам, которые предумышленно из зависти, зная ветхозаветные пророчества о Мессии, о продаже за 30 серебряников, заплатили Иуде именно 30 серебряников. Христос молился о прощении римских воинов, которые только исполняли указания иудейских священников.

Христова молитва может относиться и к европейской светской элите, ученым, художникам, писателям, которые славят человеческие дела, предметы и открытия. Но, латинские священники, инквизиторы, протестантские ученые знают Священное Предание и Священное писание, поэтому знают, что творят, когда умышленно искажают церковное учение. Запад учит покоряться Мамоне, самолюбию и культуре без Бога, которая распространяется путем демократии на рынке товаров, капитала и идей.

Первый русский митрополит Илларион в 1051 году в «Слове о законе и благодати» говорит, что Ветхий Завет это закон для евреев, а Новый Завет это благодать для всех народов. Русский народ в орбите Нового Рима добровольно принимает благодать, то есть Новый Завет.

Для Запада Россия важнее всех стран, поэтому для него так важно вместо Православия как соборной русской идеи навязать России по западному образцу «духовный и идейный плюрализм». Последнее заявление американских властей о состоянии человеческих прав отмечает, что в России существует угроза правам сатанистов!!! Русский народ не русифицировал ни малые северные, ни сибирские, ни кавказские народы. На Западе защищал их от немцев, на юге от турок и персов. С другой стороны, весь мир веками находится под ударом агрессивного Запада. ЕС и США объявляют себя борцами против торговли людьми, несмотря на то, что своим процветанием обязаны рабовладельческой системе и грабежу колоний. Основателями США были рабовладельцы, что им не помешало написать демократический устав. Не так давно Запад завоевательски истребил десятки миллионов местного населения, прежде всего, индейцев, африканцев, аборигенов. Сегодня для уничтожения «излишка» народонаселения созданы гуманитарные программы: «планирования семьи», стерилизация, генно-модифицированные продукты - под покровительством западных фондов, властей, негосударственного сектора, фармацевтических корпораций, врачей без границ и морали. Народы, которые все еще оказывают сопротивление новому мировому порядку, прежде всего, казнят всевозможными санкциями, информационно клеймят как врагов демократии, фашистов, антисемитов и, в крайнем случае, бомбардируют ядерными отходами (как это было в Сербии) или оккупируют как Ирак или Афганистан.

Запад постоянно обвиняет Россию за ведение империалистической политики. На основании исторических фактов можем утверждать, что Русская цивилизация является примером миролюбия. Целая русская история есть защита, прежде всего, от западных завоевателей. Все великие русские победы от благоверного князя Александра Невского над Немцами, победа над Поляками, Шведами, Французами, до великой победы во Второй Мировой войне в 20 веке были победами русского духа, русской идеи, русской мудрости и храбрости, ведь Россия как подножие Престола Божия, по словам святого Иоанна Кронштадского, со своим православным народом, остается «станом святых», как Хранитель Православных догматов.

Слова Христа о том, что легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в Царство Небесное «есть органическая сторона русского восприятия мира. Русский взгляд на жизнь естественно подвижнический. Русскому народу свойственно скромное обещание, по примеру монашеских братств.

В России вирус либерализма заразил многие общественные уклады после Петра Первого, который идеал Святой Руси заменил идеалом Мощной России, которая вместо Евангелия Псалтири и Домостроя вынуждена была слушать западных лекторов. Восемнадцатый век стал временем секуляризации русского общества, одной из попыток Запада устроить Россию по своему образцу. Петр Первый стал последним Царем, которого родила Русская женщина. Его потомки на престоле по крови были немцами, хоть и носили русскую фамилию Романовы и принадлежали Русской Православной Церкви. Петр Первый стал пионером вестернизации России. Он добровольно как Царь самой большой и самой богатой земли в мире отбросил вековую русскую традицию, образ жизни, одежду, брил всем бороды, изменил архитектурный стиль, культуру, дворцовый протокол. Петровская Россия внешне стала похода на увеличенную западноевропейскую абсолютную монархию.

Запад, в лице римского понтифика (папы с гордостью носят этот титул языческих императоров) никогда не каялись в своих прошлых и современных злодеяниях, совершенные с благословения Ватикана. Ватикан прославил в лице Святых кардинала Алоизия Степенца, который явно поддерживал пронацистский геноцидный режим Независимой державы Хорватской. Хорватской государственной программой стало «Треть православных сербов окатоличить, треть - изгнать и треть убить». Ватикан с победителями в лице западных демократических государств организовал переброску нацистских и усташских злодеев в Америку. Так Запад утаил вклад Римо-католической церкви в геноцид Русских, Сербов и других народов во Второй мировой войне.

Европизация России охватила все области духовной, экономической и культурной жизни. Раскол в русском народе на верных русской идее (стяжания святости, спасения души, Православия и Самодержавия) и западников с 18 века все углубляется.

По примеру протестантской секулярной державы Петр Первый упразднил Патриаршество. Но Бог послал подвижников, святых людей, старцев, которые в лютые времена секуляризации своим подвигом засияли в целом Православно Славянстве. Преподобный Серафим Саровский, оптинские, глиньские, валаамские старцы, святые матушки дивеевские и многие праведники известные только Богу с духовным руководством и служением Богу и народу стали вселенскими учителями спасения.

Греки, Римляне, Евреи приняли Крещение, будучи язычниками. Византия и Запад, как наследник Западного Римского Царства не стерли из памяти свое языческое наследие. Оно проявилось как ересь в новой оболочке, в культурной идее гуманизма.

Русский народ принял крещение как чистое дитя. Евангельские слова о том, что если не будете как дети, не войдете в Царство Небесное, это относится к русской вере, которая проста и равноапостольна. Многие иностранцы с Запада и Востока и в наше время удивляются красоте русской богоискательной душе и скромным терпеливым характерам. Русская врожденная простота, детская чистая душевная теплота в связи со свято-отеческой мудростью и духовной трезвостью дает колоссальную глубину и силу духа, которая является русским эсхатологическим знаком.

Между русским и западным мировоззрением существует непроходимая пропасть, которую нельзя упразднить экуменическим демократическим диалогом. На русской стороне стоит собор Святых ратников и подвижников, Мучеников, которые положили свои жизни за Христа и народ. На западной стороне доминирует собор нечестивых, малых и великих инквизиторов, конкистадоров, палачей. Россия хранит наибольшее благо - Православный символ веры. Запад утратил веру, имеет только символы, значение которых забыто.

Язык как духовный и культурный собиратель нации¹

Протоиерей Димитрий Лескин

«Язык народа - лучший, никогда
не увядающий и вечно вновь
распускающийся цвет всей его
духовной жизни»
К. Д. Ушинский

Позитивистская наука не раз пыталась определить феномен языка как конвенциональную систему знаков, сформировавшуюся по принципу «договора», специфическое средство чело-

¹ Статья опубликована в журнале «Вера». Самара. №1(10). 2008. С.23-33.

веческого мышления и общения и основную форму обмена информацией. Однако после развития в XIX-XX веках целого комплекса лингвистических учений, появления такого направления мысли, как философия языка, которая до настоящего времени остается одной из влиятельнейших областей философской культуры, а в России развития самобытной онтологической теории языка и имени, представленной в трудах П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, А.Ф. Лосева и др., истолковывать язык в сугубо прагматических категориях стало попросту невозможно. Очевидно, что язык есть форма глубочайшего отражения души конкретного человека, также, как и души целой нации. Через язык раскрывается их внутренний мир, их нравственное здоровье и духовное предназначение. Если в конце XVIII в. немецкая классическая философия противопоставляла язык и мышление, говоря о некой «внеязыковой» форме жизни разума, то для отечественной интеллектуальной культуры, начиная со славянофилов, такое разделение было принципиально недопустимо: Разум по природе своей словесен (а человек – существо словесное), мысль не может жить и являть себя помимо слова. Сущность слова представляет собой тайну, не поддающуюся до конца логическому определению. При этом нельзя не признать великое могущество слова и его наиболее концентрированного выражения – имени. Наверное, мало, кто так глубоко проник в сердцевину этой тайны, кто так всецело познал и воспел имя, как великий русский философ А. Ф. Лосев. В своей «Философии имени» он восклицает: «Именем и словами живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и победе глухие народные массы. Имя победило мир»². И в другом месте: «Без слова нет ни общения в мысли, в разуме, ни тем более активного и напряженного общения. Нет без слова и имени также и мышления вообще»³. Слово способно преобразить мир и бросить его в пропасть разрушения. Хотя его невозможно увидеть и измерить, но в нем содержится духовная история человека, его рода и целой нации, в нем раскрывается «нрав и норов, психология, заповедальность, союз земли и неба»⁴. Всякому большому русскому писателю ощущение этой беспредельной мощи слова было присуще генетически. В.Г. Короленко замечал: «Слово не есть мертвое и внешнее зеркало; оно есть в то же время орудие живого, движущегося, совершенствующегося духа. Оно есть орудие совершенствования»⁵.

Очень тонко эту сущностную функцию языка передает славянская речь: по-славянски «народ» и «язык» суть одно. Язык есть высшая форма явленного единства, имплицитно в нем содержатся все категории духовной жизни нации, поскольку именно посредством его, сквозь него человек постигает мир. Об этом замечательно сказал В. К. Кюхельбекер: «Рассматривая народ как существо духовного порядка, мы можем назвать язык, на котором он говорит, его душой, и тогда история этого языка будет значительнее, чем даже история политических изменений этого народа, с которыми ... история его тесно связана»⁶.

Можно бесконечно много говорить о фонетических, морфологических, семантических особенностях языков мира, за которыми стоят ментальные характеристики народов – их носителей. Но мы будем говорить о языке русском, том самом, о котором И. С. Тургенев так проникновенно сказал в своем хрестоматийном, но, увы, в последние годы значительно реже цитирующемся стихотворении в прозе: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей Родины, - ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Нельзя не верить, чтобы такой язык не был дан великому наро-

² Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос. М., 1993. С. 746. В данную статью, написанную на основании доклада, прочитанного на международной научно-практической конференции «Наука и культура России» в рамках Дней славянской письменности и культуры (Самара, 2008), намеренно включено обширное цитирование: т.н. экземплификационный метод, цель которого состоит в подборе такого законченного авторского фрагмента (цитаты), который отражает не только конкретную идею, но и характеризует мировоззрение мыслителя в целом.

³ Там же. С. 627.

⁴ Личутин В. Слово о «безсловесных». Приложение к кн.: Ирзабеков В. Тайна русского слова. М., 2007. С. 179.

⁵ Цит. по: Ирзабеков В. Тайна русского слова. М., 2007. С. 131.

⁶ Цит. по: Ирзабеков В. Тайна русского слова. С. 11.

ду»⁷. Глубокое вчувствование в вольную, восприимчивую, способную отразить мельчайшие нюансы мысли и чувства русскую речь, заставляло восхищенно констатировать Н. В. Гоголя: «Дивишься драгоценности нашего языка! Что ни звук, то и подарок! Все зернисто, крупно как сам жемчуг, и, право, иное название драгоценнее самой вещи... Необыкновенный язык наш есть тайна... Язык, который сам по себе уже поэт»⁸. И. А. Ильин называл русский язык «дивным орудием мысли, орудием душевного и духовного выражения»⁹.

Особенно много можно сказать о религиозных интенциях русского языка, о его органической приспособленности выражать духовно-нравственные категории православного космоса. Связано это, помимо особых свойств «характера русского народа», о которых в настоящей статье речь вестись не будет, с одновременным формированием высокой культуры и христианского мирозерцания в Древней Руси. Об этом точно выразился священник П. А. Флоренский в своей самой известной книге «Столп и утверждение истины»: «На долю русского народа выпало редкое счастье получить христианство на заре своего существования. Христианство не сталкивается на Руси ни с оформившимся учением, ни с богатым культом какой-либо другой религии; не находит укоренившихся нравственных привычек или государственных стремлений... Самый язык, еще незапятнанный и гибкий, доверчиво дает устроить из себя сосуд благодати! Одним словом, христианство попадает в души младенческие, и все дальнейшее возрастание их... свершилось под прямым водительством Церкви»¹⁰.

Письменная культура славянских народов – одна из немногих языковых традиций, которая формировалась в лоне православной ромейской (византийской) цивилизации. Более того, непосредственный толчок к своему самостоятельному развитию славянские языки получили от великих церковных деятелей IX в. – св. равноапостольных Кирилла (Константина) Философа и Мефодия, уже в древние времена почитавшихся как «учители словенские». Уникальность своей письменной традиции славяне осознали очень рано. Автор X в. Черноризец Храбр в своем слове «О письменах» свидетельствует: «Создал славянские письмена святой муж! Если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письмена или книги перевел, и в какое время, то мало кто среди них знает. Если же спросишь книжников славянских: кто вам письмена создал или книги перевел, то все знают и, отвечая, говорят: Святой Константин Философ, названный Кириллом, он и письмена создал, и книги перевел; и Мефодий, брат его»¹¹.

Церковнославянской стихией пронизан весь строй русского языка. Подобно могучему источнику она наполняет великорусскую речь широтой и плавностью, глубиной и возвышенностью, торжественностью и точностью. Современные славянские языки значительно дальше русского отошли от своих церковно-славянских истоков, вместе с этим удалением теряя многие его характеристики. Замечательный философ языка Н. С. Трубецкой ни раз подчеркивал это своеобразие русского слова – верность материнской традиции. «Сопряжение церковнославянской и великорусской стихии, будучи основной особенностью русского литературного языка, ставит этот язык в исключительное положение. Трудно указать нечто подобное в каком-нибудь другом литературном языке»¹². Почти за два столетия до него о важнейшем основании русской речи писал М. В. Ломоносов: «Российский язык в полной силе, простоте и богатстве, переменам и упадку неподвержен утвердиться, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на славянском языке украшаться будет».

Как человек, так и целые нации могут переживать периоды расцвета, но также болеть и даже умирать. Вместе с ними тогда умирают и их языки, ибо далеко не всем уготована почетная участь получить вечное посмертие – стать «мертвыми» языками, подобно греческому и латыни – языками науки и ученой культуры. Большинство из них сходит в историческое

⁷ Тургенев И.С. Русский язык//Тургенев И.С. Стихотворения в прозе. Любое издание.

⁸ Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями: Собр. соч. в 7 тт. М., 1994. Т.6. С.270.

⁹ Ильин И. А. Наши задачи: Собр. соч. в 10 тт. М., 1993. Т. 2. Кн. 2. С. 113.

¹⁰ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. М., 1994. С. 772-774.

¹¹ Сказания о начале славянской письменности. М., 1981. С. 104.

¹² Цит. по: Ирзабеков В. Тайна русского слова. С. 105.

небытие вслед за своими носителями, оставаясь, в лучшем случае, археологическими экспонатами, на которые с любопытством (или без него) взирает «племя молодое, незнакомое». Как правило, язык начинает умирать раньше своих биологических обладателей, перед этим долго болея и вырождаясь. Болезни языка, как лакмусовая бумажка, отражают духовные недуги народа, свидетельствуют о нравственном и культурном неблагополучии нации. Перефразируя известную римскую пословицу, у здорового народа – здоровый язык, у больного – больной.

Сегодня русский язык болен. Он переживает тяжкий период уничтожения и измельчания. Уже несколько десятилетий мы являемся свидетелями неслыханного надругательства над ним, внедрения установок о его несовершенности и неполноценности. Сейчас государство ревниво оберегает свои природные ресурсы, справедливо видя в них источник народного благополучия. Но столь же заботливо сохраняется сам суверен – «многонациональный российский народ» и его язык, имеющий статус государственного и мирового – русский язык? Неслучайно народ наш, как и язык, еще недавно назывался великорусский (а великий – значит еще и многочисленный). И, действительно, русские пока еще остаются крупнейшей европейской нацией, несмотря на свирепый демографический кризис, бушующий в нашей стране.

Язык – единственный проводник достояния поколений предков потомкам, он основной хранитель традиции, и потеря его есть потеря своего самостояния. Данный тезис уже давно воспринят и широко реализован практически в пропагандистских, политехнологических и, как сейчас выражаются, «креативных» войнах. Нанося удар по языку, наносится удар по национальной безопасности. Французский юрист Порталис (1745-1807), министр исповеданий наполеоновского правительства, предлагал следующим образом ослабить враждебную Великобританию: «Старайтесь истребить в государстве язык народный, а потом уже и сам народ. Пусть молодые англичане тотчас посланы будут во Францию и обучены одному французскому языку; чтоб они не говорили иначе, как по-французски, дома и в обществе, в семействе и в гостях; чтоб все указы, донесения, решения и договоры писаны были на французском языке – и тогда Англия будет нашею рабою»¹³.

В течение последних столетий по русскому языку неоднократно наносились мощные удары. Многие лингвисты выделяют три особенно болезненных периода в его историческом развитии: эпоха Петра I и последовавшая за ней более чем вековая зависимость русского языка от западных веяний; 1920-е годы и наше время. В ряде исследований эти периоды называются временем «трех варваризаций» русского языка. XVIII в. ознаменовался масштабными изменениями в жизни России. Московское царство с его идеалами Святой Руси и симфонического взаимодействия Церкви и государства (никогда не достигнутыми, но всегда чаемыми), стремительно уходило в прошлое. На его место вставал образ Великой России – могущественной империи, построенной по западным гранкам. Специфика России, своеобразие ее духовного и культурного облика, воспринимались в это время российской элитой как досадное недоразумение и свидетельство отсталости. Осмеяние, поношение и даже искоренение русских нравственных, эстетических, бытовых представлений (начиная с шутовских «всеппянейших соборов» и обрезания бород) привели к существенным перверзиям в русской языковой культуре. Высшие слои общества попросту перестали говорить и писать по-русски. В петербургский период наша элита последовательно сменяла свои лингвистические ориентиры: голландомания (-фония), англomanия, германомания и, наконец, самая длительная болезнь – французская. Французский был не только языком обучения и повседневного общения, не только обязательным входным билетом в «просвещенный мир» (вспомним, что, в числе необходимых атрибутов культурного человека, Евгений Онегин «по-французски совершенно мог изъясняться и писал»), но попросту стал восприниматься основным языком культуры, искусства и выражения личных чувств (свое глубоко интимное письмо Татьяна Ларина пишет Онегину также по-французски).

¹³ Шишков А.С. Славяно-русский корнеслов. Цит. по: Ирзабеков В. Тайна русского слова. С. 42.

В конце XVIII - начале XIX вв. в ученой среде поднимаются первые мотивированные протесты против такого положения вещей. Одним из ярчайших выразителей «русофильского» направления того времени является адмирал А. С. Шишков – обер-прокурор Св. Синода, министр просвещения, президент Академии наук. Его патриотическая и, в истинном смысле этого слова, просветительская деятельность (ибо к тому времени русский язык нужно было также открывать культурной среде России, как и русскую историю, про которую А. С. Пушкин замечательно сказал, что ее открыл Н. М. Карамзин, подобно тому, как Колумб открыл Америку) не раз подвергалась уничижительной критике. Тот же А. С. Пушкин в первой главе «Евгения Онегина», не найдя русского эквивалента французскому аналогу, восклицает: «Шишков, прости, не знаю, как перевести!» С конца 1810-х гг. стали появляться первые тома его собраний сочинений 14, в которых автор глубоко анализировал не только этимологию конкретных слов, но обращался к теоретическому обоснованию необходимости сохранения чистоты русского языка. В годину нашествия Наполеона он обоснованно утверждал: «Я сожалею о Европе, но еще более о России. Для того-то, может быть, Европа и пьет горькую чашу, что прежде, нежели оружием французским, побеждена была языком их». Согласно Шишкову, франкофония сама по себе способна заразить российское общество опасными идеями революционаризма: христианские понятия «свободы», «равенства» и «братства», произнесенные по-французски, заключают в себе уже совершенно иной смысл.

Неслыханный удар по русскому языку был нанесен в первые годы большевистской революции. Речь идет не только об орфографической реформе, изгнании буквы __, т.е. креста из русского алфавита и др. Борьба с русским языком проходила на значительно более глубоком уровне: сами слова «русский», «Россия» потеряли государственное значение. Страна лишилась своего исторического имени. Расплодились немыслимые аббревиатуры: «нарком», «комдив», «комсомол», «бомж», «зэк» и т.д., им же несть числа. Произошли многие характерные словозамены: сестра милосердия превратилась в медсестру, жалование в зарплату, а слово благотворительность в словаре С. И. Ожегова названо устаревшим. По всей стране прокатилось апокалиптическая волна переименований областей и городов, сел и деревень, фабрик и заводов. Наиболее выразительным примером этого неистовства стали «красные крестины» и новые имена, которые получали граждане Советского Союза, восторженно превращавшиеся в Иванов (вернее, Владиленов и Даздроперм), не помнивших своего родства¹⁵. Русская народная мудрость давно оценила подобные эксперименты, засвидетельствовав в пословице: «По имени и житие». За всем этим «сокрушением прежних богов», которое до сих пор некоторым воздыхателям по советскому прошлому кажется каким-то случайным и незначительным элементом в коммунистической доктрине, стояла, на самом деле, глубоко продуманная, стержневая концепция социализма как «нового мирового порядка». Ее предельно ясно выразил один из ведущих большевистских идеологов Л. Д. Троцкий,

¹⁴ Шишков А.С. Собрание сочинений и переводов. СПб. 1819-1839. Ч.1-17.

¹⁵ В качестве иллюстрации приведем выдержку из передовицы «Известий» за 8 января 1924 г.: «На нашу молодежь религиозные праздники действуют подзадоривающее. Именно в эти дни хочется подчеркнуть свой решительный отрыв от религиозного прошлого и от всего, что связано с религией. Еще недавно рабочая молодежь на улицах и площадях сжигала изображения и куклы богов и святых всех стран и народов. Теперь, перейдя к более углубленным методам антирелигиозной пропаганды, она сжигает свое религиозное прошлое. И вот каким образом: в Иваново-Вознесенске на рождественских праздниках стали перекрещиваться: Степанова Нина – Нинель, Широкова Мария – Октябрина, Демидов Петр – Лев Троцкий, Марков Федор – Ким, Смолин Николай – Марат Тендро, Гусев Павел – Лев Красный, Клубышев Николай – Рэм Пролетарский, Уваров Федор – Виль Радек, Челышев Иван – Иван Красный. Не только комсомольцы и партийцы «перекрещиваются», но нет отбоя и от беспартийных.

-Товарищ, прошу меня перекрестить.
- Фамилия?
- Дворянкин, беспартийный.
- Как хочешь называться?
- Красный Боец.

Их много теперь этих беспартийных «Коммунаров Калыгиных».

утверждавший, что вся природа, в том числе и человек, подлежат тотальной переделке в горах революции. «Если вера только обещала двигать горами, то техника, которая ничего не берет «на веру», действительно способна срывать и перемещать горы. До сих пор это делалось в целях промышленных (шахты) или транспортных (туннели), в будущем это будет делаться в несравненно более широком масштабе по соображениям общего производственно-художественного плана. Человек займется перерегистрацией гор и рек и вообще будет серьезно и не раз исправлять природу... Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всем ее объеме... Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род, застывший хомо сапиенс, снова поступит в радикальную переработку и станет под собственными пальцами – объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки»¹⁶. Еще более емко суть социалистического миропонимания определил теоретик партии, «золотое дитя революции», по оценке Ленина, Н.И. Бухарин: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи»¹⁷. Не меркнут ли перед этими высказываниями зверства фашизма?

С начала 1990-х гг. русский язык переживает «третью варваризацию». Она связана с идеологической капитуляцией советского строя, к несчастью, отождествленного с самой Россией. Приобретенный в те годы комплекс национальной неполноценности и новый виток эйфории и преклонения перед западной цивилизацией неизбежно отразились на языке. Среди наиболее характерных черт его современной болезни и засилье англицизмов, и жаргонизация, и пропаганда «низкой культуры», и широкое культивирование матерщины.

Остановимся подробнее на некоторых языковых явлениях нашего времени. В последние годы русский язык обогатился десятками новых слов. Приведем некоторые из них в алфавитном порядке, чтобы оценить нравственное содержание внесенное ими в общественное сознание: «баксы», «брэнд», «бодибилдинг», «вип», «бой (герл) -френд», «геймер», «имиджмейкер», «рейв-тусовка», «репер», «секьюрити», «тренд», «фитнес», «хакер», «шейпинг», «шоппинг», «юзер» и др. Особенно сильно данная терминология распространена в медиа-среде. Вместо задора там ныне предписано испытывать «драйв», вместо музыки записывать «саундтреки», фильмы именуются «блокбастерами» и «триллерами», актеры проходят «кастинг», а лучшее время на телевидении называется «прайм-тайм». Возникло не мало междометий и приветствий: «вау», «форева», «о кей», «хай» и т.д.

Естественно, английский язык не единственная область заимствований. Другим источником является жаргонная или «блатная» речь, сформированная в преступном мире. Языковые обороты этой маргинальной субкультуры получили в последнее время повсеместное употребление. Здесь и «бабки», и «кидать», и «клевый», и «крутой», и «мент», и «ништяк», и «параша», и «хавать», и множество других. Очевидно, что все эти слова отражают не собственные русской традиции и чаще всего низменные реалии, что, несомненно, соответствующим образом отражается на психологии и произносящих, и слышащих их людей.

Внедрение такого корпуса новых слов, получивших самостоятельное бытование в современной российской среде, активно воздействует на массовое сознание и способно формировать его в соответствии со своим духовным содержанием. Трудно предположить, что «культура низа» произвольно или стихийно вошла в нашу повседневную жизнь: сейчас становится все более очевидным ее искусственное нагнетение, т.е. инспирация деструктивных лингвистических процессов, прежде всего через электронные СМИ, рок и поп-музыку.

Это особенно ясно, когда касаешься таких печальных реалий российской современности, как матерщина или подчеркнутая сексуализация всех сторон жизни. Мат провозглашен в последние годы чуть ли не самобытнейшим языковым феноменом русского народа. В некоторых, претендующих на элитарность, кругах культивируется «говорение на мате», а уж

¹⁶ Троцкий Л.Д. Искусство революции и социалистическое искусство//Правда. 1923. 23 сентября.

¹⁷ Цит. по: Солоухин В.А. При свете дня. Собр. соч. Т. 2. М., 2006. С. 280.

вставить «крепкое» словцо в присутствии женщин или детей давно не считается зазорным. Бытует также «женский» мат, что само по себе отвратительно в силу оккультного назначения матерной ругани – проклинать детородную, материнскую сущность. Некоторые продвинутые «пиарщики» и «креаторы» предлагают к «вящей славе России» пропагандировать русский мат на западе, чтобы европейская молодежь, увлекшись нашей руганью, заинтересовалась затем и более высокими образцами отечественной культуры.¹⁸ На этот распоясавшийся постмодерн можно ответить только словами Священного Писания: «Благословением праведных возвышается город, а устами нечестивых – разрушается» (Притчи 11, 11).

В целом, русской языковой ситуации сегодня характерна «игра на понижение», в связи с чем многие высокие или нравственно нейтральные названия приобретают весьма вульгарную семантику: что означают ныне слова «братья» (трансформировавшееся в «братву»), «общезитие» («общага», «общак»), «кошелка», «телка», «голубой», «сожитель»? (Вспомним, в «Капитанской дочке» капитан Миронов называет свою горячо любимую законную супругу Василису Егоровну «сожительницей»).

Еще одним разрушительным явлением современности является засилие так называемых юмористических телепередач и целых каналов. О деструктивной энергии хохота, когда осмеянию подвергаются все стороны человеческой жизни, в том числе и табуированные во всякой традиционной культуре темы, можно сказать многое. Отметим лишь очевидный факт, что через смех размываются понятия высокого и сакрального, ослабляется чувство стыда («рвотного рефлекса человеческой души», по образному выражению современного русского писателя), пробуждается ощущение вседозволенности. Для большинства культур «хохот» и «низ» имеют схожую смысловую нагрузку¹⁹.

Таким образом, в настоящее время происходит значительная трансформация языковой культуры, притом в сторону ее вульгаризации, жаргонизации и упрощения. Речевые нормы стремительно меняются, за последние годы появилось множество неологизмов и заимствований из иностранных языков, а также языков маргинальных субкультур, существенно меняются семантические значения исконных русских слов. В интернет пространстве (на всевозможных форумах и чатах) формируется новый вариант русского языка, до такой степени обедненный и искаженный (попираются все нормы орфографии, пунктуации и синтаксиса), что можно говорить о некоем «неоязе», лишь внешне связанном с «великим и могучим» русским языком. За изменением языка кроется изменение сознания, разрыв культурной традиции и духовной преемственности поколений. «Говорить на разных языках» - означает не понимать друг друга, и страшно предположить, что будет с Россией, если для ее жителей станет чужим язык Пушкина, Лермонтова и Достоевского, как зачастую уже происходит с молодыми людьми, затерявшимися в виртуальных пространствах. Уже цитировавшийся выше В. Г. Короленко, видя разгул бессмысленного и беспощадного бунта, охватившего Россию после 1917 г., провидчески писал: «Мне страшно подумать, что моим детям был бы непонятен мой язык, а за ним – и мои понятия, мечты, стремления, моя любовь к своей бедной природе, к своему родному народу, к своей соломенной деревне, к своей стране, которой, хорошо ли, плохо ли, служишь сам»²⁰. Тогда случился колоссальный провал в исторической жизни России, отделивший прошлое от настоящего, что позволило самому чуткому поэту русской эмиграции М. И. Цветаевой, с горечью, признать:

С фонарем обшарьте

Весь подлунный свет.

Той страны на карте –

Нет, в пространстве – нет.

¹⁸ Смотрите, например, книгу «Воины креатива», вошедшую в анонимную серию «Проект Россия». М., 2007.

¹⁹ По отношению к прошлым эпохам об этом блестяще говорится в книгах русских философов А. Ф. Лосева «Эстетика возрождения». (М., 1976) и М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса». (М., 1965).

²⁰ Цит. по: Ирзабеков В. Тайна русского слова. С. 46.

Выпита, как с блюда,
Донышко блесит.
Можно ли вернуться
В дом, который- скрыт?..
Той России – нету,
Как и той меня²¹.

В те годы много писалось о «грядущем хаме», грозившем России и всему миру. Не снова ли он стучится в наши двери, не грозит ли новая религия Coca Cola с ее мировоззренческой установкой брать от жизни все культурному наследию человечества в целом? «Новая шигалевщина» ориентируется уже не на социалистическую утопию, а на распоясанные инстинкты и культ золотого тельца, отвоевывая себе позиции не только в толпе, но и в умах новой «элиты», и в коридорах политкорректной и толерантной власти. Грозным предупреждением звучат слова писателя В. Ганичева: «Если общество и власть не отринут чисто коммерческий поход к культуре, не заявят о борьбе за торжество высших ценностей, нас ждет всеобщее культурное обнищание, невежество, бедность духа, наша культура не будет способна рожать не только гениев, но и просто талантливых людей с широким взглядом на мир, людей способных открывать новые горизонты, людей нравственных»²². прременного русского писателя) через смех размываются понятия сокрального и высококультуре темы, можн сказать много налов. возд

В заключение нашей статьи обратимся к некоторым духовным принципам и идеальным установкам, которые несет в себе сам русский язык через свою этимологию и синтаксические конструкции²³. Уже мало кто помнит, что само славянское слово «человек» происходит от «слово» (слово – словек – человек), как убедительно показал А. С. Шишков. Отсюда «славяне» («словене») – люди словесные, способные понимать друг друга. Им противостоят «немцы» – т.е. немые, язык которых недоступен славянам²⁴.

Остановимся на некоторых русских словах, означающих состояние души и основные этапы жизненного пути, переживаемые каждым человеком. К примеру, «успех»: здесь главной выступает категория времени – успеть, не опоздать. Не карьерный рост, «успешность» в западном смысле этого слова, а достижение вечного блаженства. Успех – это значит успеть спастись. В русском языке слова «радость» и «страдание» однокоренные. Они связаны друг с другом неразрывной нитью, без страдания невозможно войти в радость, но и радость рождается, если человек никогда не испытывал страдания. Та же этимология содержится в слове «счастье». Счастье – это то, что есть сейчас, «скоромимоходящее». Но это только счастье, т.е. лишь часть от единого целого. Счастье определяется как земное блаженство, благополучие, желанная насущная жизнь. Русский язык наглядно свидетельствует, что это состояние не может быть вечным.

Глубинный смысл содержат русские названия многих нравственных категорий. «Стыд» – от «студ», холод, значит, память о смертном часе («Помни о часе смертном и вовек не согрешишь»). Без стыда человек рано или поздно станет «мразью» – от слова «мраз», (мороз), «смерд» – главные атрибуты ада. Сама «смерть» есть то, что смердит, разлагается (в этом слове содержится образное осознание неестественности смерти, которая выступает как нарушение установленного Богом порядка). Рядом со смертью и «смерды» – древнее имя русских крестьян. В нем смиренное признание участи человека: «земля еси и в землю отыдеши». «Окаянство» – отсутствие покаяния. «Победа» – то, что идет после беды, торжествует над бедой. В русском языке фонетически сближены «свет» и «святость». Даже слово «честь»

²¹ Цветаева М.И. Стихотворения. Поэмы. М., 1991. С. 315.

²² Ганичев В. Удерживающее начало. Там же С. 171.

²³ Использовано наблюдение В. Ирзабекова в кн. «Тайна русского слова».

²⁴ Параллельно отметим восприятие имени славян в большинстве западных языков, где оно чаще всего этимологически производится от латинского «slaves» – рабы. Уже эта языковая аллюзия очень много дает для понимания извечного противостояния России и Европы.

имеет яркую христианскую подоплеку: Божия Матерь именуется «честнейшей (т.е. святейшей) херувимов».

Наконец, нельзя пройти мимо особой целомудренности русского языка. В нем нет слова означающего плотскую близость мужчины и женщины. Словосочетание «заниматься любовью» - дикое изобретение последних десятилетий. Слово «пол» имеет в русском языке совершенно иное значение, чем, например, в английском «sex». По-русски «пол» - это низ, то, по чему ходят. Соответственно, «половая любовь» - далеко не высшая форма любви. Русский язык вообще неохотно определяет словом «любовь» телесную близость. Также «пол» - это только половина, часть (в старых русских домах полы делали из распиленного пополам бревна, отсюда омонимичность слова – и нижняя часть здания, и половина). О чистоте русского языка свидетельствуют и другие слова из «брачной» сферы: «поцелуй» - то, что дает целостность, сливает воедино. «Невеста» - та, которая не ведает греха, кто целомудренна, девственна. Ей понятийно противостоит «ведьма» - та, которая вовсе не целомудренна и обладает страшным знанием (ведением), полученным через продажу дьяволу своей души, как правило, вместе с плотью. Тут, кстати, можно заметить, что в русском языке (в отличие от английского, французского, немецкого и даже украинского) «мужчина» и «человек» - не одно и то же. Уже одна эта языковая норма свидетельствует о высокой оценке миссии женщины (которая такой же человек, как и мужчина) в русской культуре.

Если еще немного продолжить сопоставление английского и русского языка, то можно обнаружить ряд замечательных оппозиций. «I» (я) - единственное английское местоимение, которое пишется с заглавной буквы. И действительно, английская культура индивидуалистична, «права человека» занимают в ней исключительное место. В русском же языке «яканье» - признак невоспитанности, чрезмерное увлечение собственной персоной. Войдя в пустую комнату, англичанин скажет: «Nobody» (дословно: «нет тела»), в то время, как русский заметит: «Ни души». Наконец, на вопрос: «Как дела?» традиционен английский (американский) ответ: «О.К!» (отлично, превосходно). Русский же чаще ответит: «Понемногу», «Потихоньку», иногда: «Слава Богу, живем, не жалуемся». Как видим, данные русские фразеологизмы являются эвфемизмами. Они нарочито избегают свойственной английскому оптимистичности, которая в русской языковой культуре будет казаться бравурной и неуместной.

Можно много говорить о восприимчивости и преображающей творческой силе русского языка. Они во всей полноте проявились в «кирилломефодиевском наследстве», когда основные понятия православного богословия, переведенные с греческого, получили отличное от оригиналов содержание: «погружение» (baptismo) стало «крещением», «евхаристия» (благодарение) – «причащением», а metanoia (изменение) – «покаянием». Конечно, усваивались слова и других языков. Приведем всего лишь один пример. Агрессивный тюркский клич «Вур ай!» (бей, круши) превратился в ликующее русское «Ура!»

И, наконец, о самоназвании русской нации. Сколько язвительных замечаний было отпущено в связи с тем, что имя нашего народа (единственное в мире!) отвечает на вопрос «какой?» (русский), а не «кто?» (Englishman и др). Выдвигались оскорбительные теории об изначальном рабском происхождении русского народа, которым якобы владела собственно нация «русов» или даже «укров» (последняя концепция особенно популярна в агрессивной националистической среде Украины). Однако в имени русских содержится очевидная характеристика, которая не нуждается в специальной расшифровке: русский – значит русский, светлый, красивый, но также и сильный, вооруженный. Оттого издревле русские книжники стремились определить Русь как область света и святости – «Святая Русь», «светло-светлая и прекрасно украшенная земля Русская», которая славится своей «православной верой христианской». Интересно в этой связи самоназвание основной массы русских людей – «крестьяне», т.е. «христиане»: русский народ не хотел себе иного имени, кроме свидетельствующего

о его принадлежности вере Христовой²⁵. Это тонко чувствовали русские писатели, философы, деятели культуры, имена которых составляют сокровищницу нашей традиции²⁶, но также и не многочисленные европейские религиозные мыслители, сумевшие прорваться сквозь толстую стену необоснованной враждебности и подозрительности Запада по отношению к России²⁷.

Наша страна и в силу своего географического положения, и в силу особых духовных свойств народа, живущего на ее необъятных просторах, исторически обладала особой миссией – быть удерживающим, примиряющим началом в судьбах десятков и сотен национальностей и культур, вошедших в ареал расселения русского народа. Соответственно, и русский язык стал «языком-собирателем», «языком-мостом» с назначением сближать и смягчать, беречь и сохранять. «Быть языком-посредником в государстве, населенным множеством разных языков народов, – великая, многотрудная и ...далеко не всегда благодарная служба. Это особая историческая судьба державообразительного языка, языка-собирателя»²⁸. Однако сегодня со всей необходимостью встает и еще одно высокое мировое предназначение России, а значит и ее языка, определенное В. Ганичевым как «сохранение на планете культурного слоя». «Весь мир ждет от нее не просто сопротивления мировому злу, но сопротивления по средством сохранения этого слоя культуры, независимой от рынка, которая позволит и всему миру выжить – одухотворенной святостью подвижничества, подвига «за други своя»²⁹.

Что это: очередное маниловское прекраснотворение в славянофильском изводе, новая версия «Пушкинской речи» Достоевского с ее основной идеей о «всемирной отзывчивости русской души» или констатация грозной правды (также русское слово, не переводимое на другие языки), роковым образом вставшей перед миром? Ответ на этот вопрос зависит от внутреннего выбора и голоса совести каждого из нас, людей русского языка и русской культуры.

Наследие Н.В. Гоголя в сокровищнице мировой культуры³⁰

Протоиерей Димитрий Лескин

Совсем не случайно два события: конференция, обращенная к теме языка, как духовного и культурного собирателя нации, и посвящение ее памяти великого русского писателя

²⁵ Конечно, тотчас же поднимутся старые возражения, что русские в своей массе до конца не восприняли Евангелие, оставаясь язычниками, что нам было свойственно «двоеверие», что русские были «крещены, но не просвещены» и т.д. Лучшее на эти мотивированные и обоснованные замечания ответил *Ф. М. Достоевский* в своем «Дневнике писателя» за 1880 г.: «Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение Его. Мне скажут: он учения Христова не знает, и проповедей ему не говорят, – но это возражение пустое: все знает, все то, что именно нужно знать, хотя и не выдержит экзамена из катехизиса. Научился же в храмах, где веками слышал молитвы и гимны, которые лучше проповедей. Повторял и сам пел эти молитвы еще в лесах, спасаясь от врагов своих, в Батыево нашествие еще, может быть, пел: «Господи Сил, с нами буди!» И тогда-то, может быть, и заучил этот гимн, потому что кроме Христа у него тогда ничего не оставалось, а внем, в этом гимне, уже в одном вся правда Христова»... «Главная же школа христианства, которую он прошел – это века бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных за всю историю, когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-Утешителем, Которого и принял тогда в свою душу навеки и Который за то спас от отчаяния его душу!» Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. Кн. 2. М., 2007. С. 417.

²⁶ «Русская культура неотделима от понятия совести. Совесть – вот, что Россия принесла в мировое сознание» (Г.В. Свиридов).

²⁷ «Многие страны граничат с Россией. Но только Россия граничит с Богом» (Р.М. Рильке).

²⁸ Лошиц Ю. Русский языковой союз. В кн. Ирзабеков В. Тайна русского слова. С. 175.

²⁹ Ганичев В. Удерживающее начало. Там же С. 170.

³⁰ Доклад на пленарном заседании межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, 11-12 октября 2009 г., Самара.

Николая Васильевича Гоголя связаны воедино. Кто, как не он, высокий художник и мастер слова вместе с А.С. Пушкиным может считаться отцом-основателем великой русской литературной традиции XIX столетия - золотого века нашей словесности? Также верно, что Гоголь был поэтом и певцом русского языка. «Дивишься драгоценности нашего языка! – писал он. - Что ни звук, то и подарок! Все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название драгоценнее самой вещи!.. Необыкновенный язык наш есть тайна... Язык, который сам по себе уже поэт!»

Н.В. Гоголь внутренне ощущал связь вещи и имени, сознавал, что слово не «пустым дымом» разлетается по земле, что слово и есть высшее дело, через него «живут народы, сдвигаются с места миллионы людей, подвигаются к жертве и победе глухие народные массы», - как столетие спустя утверждал еще один великий почитатель слова А.Ф. Лосев. Слово, которое стало плотью, запечатлено в человеческой душе, отражается в речи. Гоголь был носителем древней святоотеческой мысли, что обладание даром слова наделяет человека особым местом в мироздании. Слово – то, что делает человека человеком, существом словесным, в отличие от всего прочего бессловесного мира.

В то время, когда в Европе возникали философские и лингвистические концепции, согласно которым слово и мысль не связаны между собою (Гегель, например, разработал учение о «внеязыковой» форме жизни разума, о внеязыковом мышлении); в то время, когда позитивистская наука рассматривала язык как условное сочетание звуков, не имеющее прямого отношения к предмету, - русская мысль и, прежде всего, русская литература, шли совершенно по иному пути. В России, начиная со славянофилов, значительно чаще говорили о глубокой метафизичности слова, о его единстве с подлинно сущим. Мысль не живет и не являет себя вне языка. Огромный вклад в формирование такого не конвенционального отношения к слову внес Гоголь.

Н.В. Гоголь глубоко прочувствовал те исконные родники и генетические корни, которые позволили русскому языку сделаться «полнозвучным органом мысли и чувства» (И.А. Ильин), и предельно четко указал на них. В процессе своей литературной деятельности писатель стремился выработать такой стиль, в котором сливаются стихии древнерусского, т.е. церковнославянского, и народного языка.

Он одним из первых в XIX веке высказал совсем не современную мысль, что церковнославянский язык есть необходимейшая основа языка русского. В то время, когда прогрессивные авторы призывали порвать с косным и весьма непривлекательным прошлым, в том числе и с древним языком нашего отечества, высокую красоту и поэзию которого воспринимали тогда лишь единицы, Гоголь утверждал иное: «Русский язык незримо носится по всей русской земле, несмотря на чужеземствование наше в земле своей». Он обладает свойством быть «беспредельным» и «живым как жизнь», способен на «самые неожиданные переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи». Гоголь решительно указывает на источник этой уникальной способности русского языка, который «обогащается ежеминутно, почерпая ... высокие слова из языка церковно-библейского и выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий».

К своему другу поэту Николаю Языкову в 1843 году он обращается из Баден-Бадена (sic!) с призывом глубже изучать церковнославянские книги: «Клянусь – это будет дверью на ту великую дорогу, на которую ты выйдешь! Лира твоя наберется там неслыханных миром звуков и, может быть, тронет те струны, для которых она дана тебе Богом». Совершенно очевидно, что для 1840-х годов это мышление было очень нетипично.

В год 200-летия со дня рождения Н.В. Гоголя мы должны с особым вниманием рассмотреть в трагический духовный путь величайшего русского писателя. В нем много назидательного и для каждого православного христианина. Вступление выходца из Полтавской губернии в литературную жизнь России было стремительным. Опубликовав в 1831-1832 гг. (ему тогда было 22 года!) свое первое прозаическое произведение «Вечера на хуторе близ Диканьки», он мгновенно стал известен всей читающей России. «Вот настоящая веселость,

искренняя, непринужденная, без жеманства, без чопорности. А местами какая поэзия! Все это так необыкновенно в нашей литературе, что я доселе не образумился», - писал А.С. Пушкин. Вскоре Гоголь становится популярнейшим писателем России. В 1835 году выходят «Миргород» и «Арабески». Белинский провозглашает Гоголя главой русских поэтов. В 1836 году император Николай I присутствует на премьере «Ревизора» и дает распоряжение всем министрам его посмотреть. По воспоминаниям очевидцев, государь весело смеялся и вышел из театра со словами: «Ну, пьеска! Всем досталось, а мне – более всех!» С той поры начинается личное покровительство Гоголю со стороны императора, а также определенная правительственная поддержка, что вызывало немало злословия, подытоженного значительно позже Белинским в оскорбительном «Письме к Гоголю» (1847), где критик утверждал, что уже давно писатель начал петь «гимны властям предержащим», которые «хорошо устраивают земное положение набожного автора». С конца 1830-х годов по Петербургу ходили слухи, что Гоголь стремится попасть в наставники к царской семье, что сама духовная эволюция Гоголя стала следствием «достижения небесным путем чисто земных целей» и т.п. Однако в то время до общественной обструкции Гоголя было еще далеко.

В 1842 году появляется первый том поэмы «Мертвые души», задуманной автором как эпос в трех частях, который обнимает собой «всю Русь» и «все человечество в массе». Россия с напряжением ожидает обещанного второго тома, который, как известно, никогда не был обнародован. К 33 годам Гоголь напечатал практически все свои художественные произведения.

В 1845 году писатель пережил сильный духовный кризис, весьма изменивший его отношение к собственным литературным произведениям. Фактически Гоголь отрекся от своего художественного наследия. Помимо авторского признания в этом в «Выбранных местах», тому есть немало подтверждений современников. Так, настоятелю русской церкви в Висбадене прот. И.Базарову, которому Гоголь очень доверял, писатель сказал, обнаружив свои книги в его кабинете: «Как, и эти несчастные попали в Вашу библиотеку?» Другу Н.Я. Прокоповичу Гоголь писал: «Забвенья, долгого забвенья просит душа. И если бы появилась такая моль, которая бы съела внезапно все экземпляры «Ревизора» а с ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху... - я бы благодарил судьбу».

Что произошло с Гоголем? Почему он пошел на такое прямое отторжение своих понастоящему великих произведений? Сам писатель называл причиной отсутствие в них света Христова. На первый взгляд, очевиден резкий духовный и весьма болезненный перелом в творческом самосознании гениального писателя, обусловленный обращением к религии. Но так ли это? Тем более печально, что писатель до конца своей жизни настаивал на неизменности своего духовного становления. «Я не совращался со своего пути. Я шел тою же дорогою... И я пришел к Тому, Кто есть источник жизни», - утверждал он в 1850 году в «Авторской исповеди». Воспитанный в православной семье, Гоголь никогда не был не религиозным человеком. С раннего детства он отличался глубокой восприимчивостью к духовным темам. Литературоведческий анализ также позволяет сделать вывод, что позднее творчество Гоголя – логический итог развития, в котором нет кардинального отхода от ранних художественных принципов.

По воспоминаниям друзей, Гоголь нередко огорчался неверным, с его точки зрения, восприятием читающей публикой его произведений. Так, «Ревизор» задумывался им не просто, как обличительная комедия - это преображающее произведение. Вслед за мнимым ревизором, прообразом антихриста, которого порождают сами жители уездного городка, приходит Истинный Ревизор, про которого писатель говорит: «Страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба» («Развязка Ревизора», 1846). И «Мертвые души» мыслятся им как эпическое художественное и психологическое полотно, на котором могучей кистью изображен путь к возрождению омертвевшей души, к воскресению павшего человека. «Это бледное начало, - говорил он о первом томе своей поэмы, - того труда, который светлой милостью небес будет много не бесполезен».

Выйдя из многомесячного душевного кризиса 1845 года Гоголь решает создать чисто христианское произведение. И публикует его в 1847 году. Это последняя напечатанная при его жизни книга - вызвавшие грандиозный литературный скандал «Выбранные места из переписки с друзьями». Гоголь был абсолютно убежден в будущем успехе и востребованности сочинения. Издателю и другу М.П. Плетневу он советует запастись бумагу для второго издания, которое последует, по его мнению, незамедлительно. «Все дела в сторону, и займись печатаньем этой книги... Она нужна, слишком нужна всем... Книга эта разойдется более, чем все мои прежние сочинения, потому что это до сих пор моя единственная дельная книга». Он писал книгу, согласно собственному признанию, действуя «твердо во имя Бога... Во славу Святого Имени взял перо, а потому расступились передо мной все преграды». Цель, поставленная писателем, весьма амбициозна: с поистине пророческим пафосом Гоголь хочет наставить на истинный путь всю читающую Россию.

«Выбранные места» произвели шок. По утверждению «Финского вестника», «ни одна книга в последнее время не возбуждала такого шумного движения в литературе и обществе, ни одна не послужила поводом к столь многочисленным и разнообразным толкам». Большинство рецензий и отзывов, печатных и эпистолярных, публичных и личных, носило негативный характер. Особенно тяжело для писателя было воспринять отрицательные оценки друзей и представителей Православной Церкви. Книгу осудил, например, свят. Игнатий (Брянчанинов), тогда наместник Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом, писавший: «Она (книга) издает из себя и свет, и тьму. Религиозные его (Гоголя) понятия не определены, движутся по направлению сердечного вдохновения, не ясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Желательно, чтоб этот человек, в котором заметно самоотвержение, причастил к пристанищу истины...» Весьма сдержанно отозвался о книге и свят. Филарет (Дроздов), заметив при этом: «Хотя Гоголь во многом заблуждается, но надобно радоваться его христианскому направлению». Архиепископ Иннокентий Херсонский, прочитав «Выбранные места», просил Погодина призвать Гоголя «не парадировать набожностью». Прот. Матфей Константиновский, духовник писателя, по словам самого Гоголя, считал, что книга произведет вредное действие и писатель даст за нее ответ Богу.

Основная часть друзей с еще большей экспрессивностью напали на книгу. С.Т. Аксаков: «Вы грубо и жалко ошиблись.... Думая служить Небу и человечеству – оскорбляете и Бога и человека». К.С. Аксаков: В книге «ложь не в смысле обмана и не в смысле ошибки – нет, а в смысле неискренности, прежде всего. Это внутренняя неправда человека с самим собою». С.П. Шевырев: «Ты избалован был всею Россиею. Поднося тебе славу, она питала в тебе самолюбие... Самолюбие никогда не бывает так чудовищно, как в соединении с верой».

Наконец, В.Г. Белинский, некогда провозгласивший Гоголя главой русских поэтов, сообщал многим (например, С.П.Боткину), что его охватила ярость при чтении этой «гнусной» книги. В письме от 15 июля 1847 года из Зальцбрунна, за публичное чтение которого в «Кружке петрашевцев» впоследствии оказался на каторге Ф.М. Достоевский, критик писал: «Нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель». И чуть дальше: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов – что Вы делаете?... Не истиной христианского учения, а болезненною боязнью смерти, черта и ада веет от Вашей книги».

Как из рога изобилия, на Гоголя сыпятся обвинения, что он написал книгу с целью приблизиться к императору и наследнику престола, из-за желания получить от правительства финансовую помощь и т.д. «Ваша книга уронила Вас в глазах публики и как писателя, и еще больше как человека», - подводит итог Белинский.

Лишь некоторые из друзей нашли в себе мужество вступить за Гоголя. Среди них А. Смирнова (Россет), в просвещенной семье которой «Выбранные места» были высоко оценены как книга светского писателя, впервые в России выступившего «со столь резким религи-

озным направлением», а П. Плетнев утверждал, что книга Гоголя есть «начало собственно русской литературы».

Н.В. Гоголь болезненно воспринял литературную неудачу. В письмах близким он признавался: «Душа моя уныла, как не креплюсь и не стараюсь быть хладнокровным. Можно вести брань с самыми ожесточенными врагами, но, храни Бог всякого, от этой страшной битвы с друзьями». (Письмо С.Т. Аксакову). Он глубоко переживал, что его произведение было не понято современниками, и с христианским смирением констатировал: «Да, книга моя нанесла мне поражение, но на это была воля Божия». (Письмо С.Т. Аксакову).

Быть может, впервые в русской словесности Гоголь попытался выступить в «Выбранных местах» не просто как писатель-беллетрист, а как учитель, глубоко ощущая, что «поэт в России больше, чем поэт». Книга исполнена пророческого вдохновения, она была задумана как мессианский текст.

Уже начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки», и в течение всей своей литературной деятельности, как к главному предмету размышлений и созерцаний, обличения и воспевания Гоголь обращался к России. Об этом он ответственно заявляет и в «Выбранных местах». Как и для близких ему по духу славянофилов (писатель дружил с А.С. Хомяковым, семьей Аксаковых, С.П. Шевыревым) будущее России, ее предназначение, наличие в ее истории духовного смысла составляет для Гоголя один из важнейших моментов писательства. Он говорит о России, как о стране, которой еще суждена великая будущность, о русском народе, как о народе, который таит в себе неисчислимые силы и пока весь принадлежит грядущему.

Гоголь рассуждает о трагических переломах в судьбе нашей страны и с предельной ясностью, неизвестной до него, обнажает язвы русской души, указывает на их первопричину – зародившуюся в петровское время и значительно возросшую в XIX столетии роковую отделенность большей части общества от Церкви, отторгнутость культурных слоев России от духовных корней. Как следствие – суетное и мелочное существование отечественной элиты, ее устремленность к материальным благам и развлечениям. Хранителем духовных сил русского народа он называет Церковь, про которую пишет: «Владеем сокровищем, которому цены нет, и не только не заботимся о том, чтобы это почувствовать, но не знаем даже, где положили его». А потому единственным условием духовного возрождения России Гоголь провозглашает всемерное воцерковление русской жизни.

Было от чего прийти в гнев недавнему воспевателю литературного таланта Гоголя В.Г. Белинскому и испытать чувство потрясения многим просвещенным западникам, хотевшим видеть в писателе лишь остроумного обличителя николаевской России.

Предполагавший, какой шквал негодования вызовут его суждения, Гоголь, тем не менее, писал в «Выбранных местах»: «По мне, безумна и мысль, ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив у нее на то благословения. Нелепо даже и к мыслям нашим прививать какие бы то ни было европейские идеи, покуда не окрестит их она светом Христовым» (глава «Просвещение»). Мысль, которую в свете пережитых трагедий XX века, стоило бы глубоко осмыслить нашим культурным, общественным и политическим деятелям.

Критический и иронический ум Гоголя, конечно, не мог позволить себе впасть в благодушное восхваление русской действительности. Залог будущего России, согласно мысли писателя, не только в особых духовных дарах, которыми щедро наделен русский человек, но и в осознании им своего неустройства и духовной нищеты. «Лучше мы ли других народов? – задается вопросом Гоголь. – Ближе ли жизнью ко Христу, чем они? Никого мы не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех их. Хуже мы всех прочих – вот, что мы должны всегда говорить о себе... Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней».

В письмах друзьям 1840-х годов, Гоголь признается в своей любви к России, которая «беспрестанно во мне увеличивается». Он полон творческих замыслов: продолжает работать

над «Материалами для словаря русского языка», хочет написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом, так, чтобы «была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился». В 1850 году он вновь возвращается к этой идее: «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев».

Увы, как и многие другие, эти замыслы не были осуществлены.

Ту же силу пророческого вдохновения пытается вложить Гоголь и в последующие свои произведения, прежде всего во второй том «Мертвых душ». Само стремление психологически достоверно описать преображение души Чичикова, из филистера и расчетливого циника сделать его праведником, и в кульминации «Мертвых душ» прийти к образу второго пришествия Христова, свидетельствует о грандиозности замысла писателя.

Гоголь не смог справиться с поставленной им перед самим собой задачей, в том числе и потому, что она значительно превосходила задачи чисто писательские. В какой-то момент он ощутил и свое художественное бессилие – бессилие творить возвышенные образы. Гоголь был гением образов отрицательно-сатирических, что, в конце концов, стало угнетать его. Писатель как бы мучительно вопрошает себя: почему я не могу создать ничего положительного? Он страшится «чудищ» и «харь», восставших под его пером и обретших независимость от творца.

Все больше развивается характерная Гоголю еще в ранний период творчества обостренная ответственность за написанное слово. Уже во второй редакции «Портрета» (1829) монах-художник, в уста которого писатель влагает свою сокровенную мысль, говорит сыну: «Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою. Другому простится многое, но ему не простится». В «Выбранных местах» Гоголь неоднократно возвращается к этой теме: «Обращаться со словом нужно честно, оно есть высший подарок Бога человеку, опасно шутить писателю со словом». Гоголь убежден, что путь к большому искусству должен лежать через личный подвиг художника. «Мне, верно, потяжелей, чем кому-либо другому, отказаться от писательства, когда это составляло единственный предмет всех моих помышлений, когда я все прочее оставил, все лучшие приманки жизни, и, как монах, разорвал связи со всем тем, что мило человеку на земле, затем, чтобы ни о чем другом не помышлять, кроме труда своего», – признавался он в «Авторской исповеди», обосновывая мучительный шаг уничтожения второго тома «Мертвых душ».

В последние годы своей жизни Гоголь всеми силами души стремился найти новые художественные пути, заговорить иначе, чем говорил до того, создать другие, более совершенные и нравственно возвышенные литературные образы. Делом жизни считал он окончание «Мертвых душ» «на истинную пользу другим и на спасение собственной души», многократно пытался заставить себя писать, но вновь и вновь не находил в себе вдохновения создавать правдоподобные одухотворенные художественные типы.

О своеобразии литературного дара Гоголя сказано много. Яркие характеристики принадлежат В.В. Розанову и о. П. Флоренскому, которые подметили специфическую черту музыки автора: характеристика человека, его психотипа через окружающие предметы, «овеществление» личности в текстах Гоголя. В «Мертвых душах» перед читателем предстает законченное выражение внешнего человека. Даже лицо становится отделяемым признаком по отношению к личности, превращается в маску, личину. Происходит отщепление свойств личности от самой личности. Герои «Мертвых душ», по меткому замечанию Розанова, и в самом деле суть механически оживленные автором манекены, восковые фигуры. Преобразить и воскресить их – дело сверхчеловеческого гения, что все более и более понимает и сам Гоголь.

Интересный анализ особенностей творческого стиля писателя приводит русский психиатр И.А. Сикорский в статье «Психологическое направление художественного творчества Гоголя» (1911). Создавая образы своих героев в «Мертвых душах», Гоголь придерживался

определенной схемы. Он последовательно задавал и разрешал пять вопросов: каким человек вышел из рук природы; каким он стал; что именно сделало его таким; в чем состоит сущность происшедшей нравственной порчи; каковы средства исправления, испытанные на себе самом. Гоголь раскрывает «патологию», «диагностику» и «терапию» нравственного зла, воплощенного в конкретных литературно-психологических типах. С точки зрения Сикорского, никто из писателей так далеко не шел. «В этом состоял всеобъемлющий, единственный в своем роде, художественный проект и план, охватывающий разом и художественные, и нравственные цели». Однако этот проект стал непосильной ношей для Гоголя.

Видя эстетическую слабость и психологическую неправдоподобность выходящих из-под его пера претендующих на возвышенность образов, Гоголь пишет: «Бывает время, когда нельзя иначе устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его мерзости; бывает время, что даже вовсе не надо говорить о высоком и прекрасном, не показав тут же ясно, как день, путей и дорог к нему для всякого». Осознанное им трагическое бессилие художественно достоверно описать эти пути и дороги, найденные им в личном духовном подвиге, и есть, на наш взгляд, основная причина сожжения рукописи второго тома.

Великий творческий дар, которым обладал Н.В. Гоголь, был, несомненно, благословением для всей России. В какой-то момент Гоголь возжелал иного дара – дара учительства и пророчества. При этом он на протяжении многих лет пребывал в состоянии внутреннего конфликта между своими духовными устремлениями, тягой к монашескому устройению жизни и проявлениями грандиозного и своеобразного художественного гения. В нем находились в непрестанном мучительном диалоге поэт и праведник. В последние годы Гоголь жил как настоящий праведник и умер как христианин.

Колоссален вклад Н.В. Гоголя в развитие русской литературы XIX столетия, ставшей в тот век чем-то значительно большим, чем просто изящной словесностью – училищем жизни и критерием нравственности. Замечательно емко высказался о месте Гоголя в ней русский философ и литературовед К.В. Мочульский: «В нравственной области Гоголь был гениально одарен; ему было суждено круто повернуть всю русскую литературу от эстетики до религии, сдвинуть ее с пути Пушкина на путь Достоевского. Все черты, характеризующие «великую русскую литературу», ставшую мировой, были намечены Гоголем: ее религиозно-нравственный строй, ее гражданственность и общественность, ее боевой и практический характер, ее пророческий пафос и мессианство. С Гоголя начинается широкая дорога, мировые просторы».

У каждого народа есть свои ценности и святыни, составляющие сердцевину его души. Среди них имена тех созидателей национальной культуры, которые существенным образом ее обогатили и украсили. Есть такие имена и в России. Божией милостью, их немало – имен, придавших русской традиции поистине вселенское значение. Эти имена мы не имеем права забывать, не имеем права игнорировать и сторониться. Мы не имеем права жить, как будто у нас не было Пушкина и Гоголя.

Великая книга Ф.М. Достоевского ³¹

Наследие Федора Михайловича Достоевского (1821-1881) – это то, что позволяет говорить о поистине мировом значении отечественной культуры, великое свидетельство высоты русского духа, пророческого звучания русского слова, не ограниченного местечковой самостью и лишь земными ориентирами. Его художественные произведения и, прежде всего «пятикнижие» («Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы») уже давно стали достоянием всего человечества, но, в первую очередь, остаются

³¹ Предисловие к книге «Достоевский Ф. М. Дневник писателя. В 2 ч. Вып. 6, 7 серии «Русское Возрождение». Тольятти, 2009.

бесценным повествованием гениального православного русского сердца о тайне человеческой души, мучительном поиске «человека в человеке», возвращении блудного сына к небесному Отцу.

Несомненно, Достоевский – религиозный писатель. Выстраданные им вера и любовь ко Христу, воспринятые в детстве, потерянные в юности и вновь обретенные в зрелом возрасте, на каторге, среди русских преступников и босяков, столь пронзительно описанных им в «Записках из мертвого дома» (1861), навсегда стали центром и содержанием его жизни и творчества. «Главный вопрос – тот самый которым я мучался сознательно и бессознательно всю мою жизнь – существование Божие», – признавался Достоевский в период работы над «Житием великого грешника» в конце 1860-х годов. «Не как мальчик я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла», – писал он на закате своей жизни. И все герои Достоевского жизнью своей, поиском своим, страданием, падением и вновь возрождением своим из духовного плена зримо выражают этот главный и непрерываемый для писателя вопрос человеческого бытия: с Богом ли я или без Него, вне Его?

Рядом с темой веры у Достоевского всегда стоит тема России, русского народа, их призвания и назначения. И получает она также религиозное звучание, поскольку саму миссию нашего национального характера, всей русской цивилизации Достоевский подчеркнуто идеалистически определял как завет «жить высшей жизнью, великой жизнью, светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен»³². Он называл русский народ «народом-богоносцем», лучше многих других зная его слабости и пороки, соблазны и недостойнства. И все же, как это выражено писателем в его известной «Пушкинской речи» (1880), вызвавшей небывалое воодушевление и у слушателей, он до конца своих дней пронес убеждение, что «назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное» и состоит оно в том, чтобы сказать погруженному в борьбу за существование, в гонку за материальными благами и нравственный релятивизм человечеству «слово великой, общей гармонии, братства, окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону»³³.

Многие, слишком многие скептически и с откровенной насмешкой относились к этой страстной вере Достоевского во всемирную миссию России, называя писателя «романтиком», «фантазером», «розовым христианином». Казалось бы, сама история жестоко посмеялась над его упованием, выставив русский народ в самом черном, озаренном кровавыми всполохами революций и гражданских войн, свете. Почти до основания разрушилась дивная страна «Жар-птица», «светло-светлая и прекрасно украшенная земля русская». Но вера эта жива и сегодня, согревая сердца многих искренних служителей России, как согревала и столетия назад.

Поистине пророческим вдохновением звучит слово Достоевского о русском народе, который получил свою главную школу в веках «бесчисленных и бесконечных страданий, им вынесенных, ...когда он, оставленный всеми, попраный всеми, работающий на всех и на вся, оставался лишь с одним Христом-утешителем, Которого и принял тогда в свою душу на веки, и Который за то спас от отчаяния его душу»³⁴. Потому «христианство народа нашего есть, и должно остаться навсегда, самую главную и жизненную основу просвещения его»³⁵.

Что же касается необходимости для жизни наций высших ценностей, что оспаривается многими представителями утилитарной точки зрения, согласно которой вполне неплохо они могут существовать, имея перед собой целью достигнуть лишь материального комфорта, обеспеченности и мира, то Достоевский неоднократно предупреждал, что «если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только

³² Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 26. Л., 1984. С. 81.

³³ Там же. С. 148.

³⁴ Там же. С. 151.

³⁵ Там же. С. 151.

будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окоченеют, обессилеют и умрут».³⁶ И это указание сегодня очень важно воспринять всем нам, уже несколько десятилетий живущим в стране, лишенной и очень лениво ищущей утраченную некогда национальную и культурную идентичность.

Среди прочих работ Ф.М. Достоевского отдельное место занимает произведение особого жанра, названное автором «Дневник писателя», который он выпускал с перерывами с 1873 по 1881 год. Это собрание публицистических, философских, психологических зарисовок, а также критических откликов на журнальные статьи и частные письма, адресованные писателю. «Дневник» очень редко печатался в советские годы, поскольку весьма открыто свидетельствовал о Достоевском как о «религиозном фанатике», «реакционере» и монархисте. Действительно, с четко выраженной мировоззренческой позиции писатель готов в нем обсуждать, кажется, весь спектр проблем общественной жизни России: от судебных процессов над родителями, избивавшими своих детей, и психологического анализа предсмертных записок самоубийц до хода русско-турецкой войны и международной политики России 1870-х годов.

Однако за бросающейся при первом взгляде бессистемностью текстов вскоре открывается стройная мысль автора, привлекающего к обоснованию своей позиции широчайший спектр идей, фактов, примеров. «Дневник» сознательно полемичен, злободневен, погружен в гущу современных Достоевскому событий, и все же, вовсе не устарел, не имеет характера лишь исторического свидетельства, весьма удаленного от нас по времени и содержанию. Вчитываясь в него, обнаруживаешь удивительное созвучие «Дневника» с нашей жизнью, находишь характеристики, весьма точно отражающие нынешнее бытие, поскольку, как истинный художник, Достоевский за временным прозирает вечное, за тленным – нетленное, за «скоромихоходящим младоумием века сего» – «бесконечное Солнце Любви».

Деталь в пьесе Островского «Гроза»

С точки зрения морали поведение Кабанихи высокоморально, а Катерины – аморально. Фарисейство – соблюдение формы, так подлаживается под благочестие и праведность, что логически представляется неуязвимым. Фарисейство порождает зло и может убить страх Божий, вот в чём причина деспотизма Кабанихи – в чувстве собственной непогрешимости. А с точки зрения нравственности? Всё наоборот. Катерина видит грех больший, чем самоубийство в том образе жизни, к которому её принуждают: «Всё равно, что смерть придёт, что сама... а жить нельзя! Грех!». Её нравственность не принимает морали свекрови, и она бежит, как от святотатства, от жизни в обществе людей, где попираемы все заповеди божьи – особенно главные из них – любви и милосердия.

К сожалению, в прошлом зрители часто воспринимали поступок героини или как наказание за грех прелюбодеяния и в этом видели мораль пьесы; или, согласно статьям Добролюбова, как « нечто освежающее или ободряющее » – как форму стихийного протеста; или, убеждённые Писаревым, как глупость или слабость. На уроках в наше время ученики чаще выражают точку зрения, близкую Писареву.

Думаю, автор, предвидя это, расставил акценты достаточно чётко, и если Катерина считает: « Что ж: уж всё равно, уж душу свою я ведь погубила », то Островский в мудрости промысла Божьего не сомневается. Предложим учащимся вчитаться ещё раз в реплику «другого», обратив внимание на деталь: « Где уж жива! Высоко бросилась-то, тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, робяты, как живая! Только на виске маленькая такая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови ». Какая Островскому разница – утопилась или о якорь убилась? Зачем ему эта деталь? Всё равно из омута вытащили, на руках вынесли, то есть на построении сцены, поведении героев, смысле заключительных

³⁶ Там же. С. 81.

реплик эта деталь никак не отразилась, зачем она? Дело в том, что в христианской культуре символика имеет точное значение, и якорь – это символ надежды на спасение. Кулигин озвучивает эту мысль: «...душа теперь не ваша; она теперь перед судией, который милосерднее вас».

Нравственность по-настоящему верующего человека вступает в непримиримый конфликт с безбожной моралью общества. Автор не оправдывает героиню, он уповает на милосердие Бога.

Православный Пушкин

Человек находится с миром в сложных связях. С одной стороны, он отдельное существо. С другой - входит в какую-то группу. Как отдельное существо он имеет как будто больше свободы и больше ответственности, а в группе он может сказать: «Все так поступают». И получается так: когда человек один, он включён в законы нравственности, а когда в коллективе, он включён в законы морали этого коллектива, и свою ответственность и вину может перекинуть на кого-то. Личное поведение включает личную ответственность, его связь с нравственностью прямая; коллективное поведение опосредовано, человек и свою свободу и поведение ограничивает обычаями и нормой – моралью. Вот эти понятия нужно очень точно объяснять и «разводить» на уроках, это помогает просто и понятно объяснить разницу в мировоззрении и поведении многих героев: поведение Гринёва объясняется нравственностью православного воспитания, Швабрина – моралью «нового», столичного дворянства; Маши Мироновой – нравственностью, Маши Троекуровой – моралью и т. д.

Для наглядности применим этот принцип к одному из самых известных эпизодов русской литературы 19 века – объяснению Татьяной прописных истин Онегину, от которых он, тем не менее, «как будто громом поражен». Это задание на уроке обычно имеет два этапа. Первое звучит так: «Выпишите из текста все цитаты, которые касаются мужа Татьяны, попытайтесь создать его психологический портрет».

Цитат немного, но портрет получается очень интересный. Только не забудьте перед этим заданием обратить внимание учащихся на тот факт, что появление нашей героини в Москве триумфальным не было: «архивны юноши» говорят о ней «неблагодарно», идеальной её находит только «какой-то шут печальный», а осведомляется о ней...старик, замечают её Вяземский и «толстый этот генерал». Три цитаты о нём... всего: «глаз меж тем с неё не сводит какой-то важный генерал», «всех выше и нос и плечи подымал вошедший с нею генерал», «князь подходит к своей жене и ей подводит родню и друга своего».

Герой двенадцатого года, сумевший в провинциальной бесприданнице (в столицу Ларины отправились на деньги соседа) увидеть «алмаз неограниченный», независимый в своих мнениях и решениях, богатый и при этом бескорыстный, влюбившийся с первого взгляда и постоянный в чувствах, гордый единственным – своей женой...Лучше поэта не скажешь: «...с победой поздравим Татьяну милую мою». И она это прекрасно понимает: в своей «отповеди» Онегину о муже она говорит с уважением и благодарностью, он дал ей главное в семейной жизни – рядом с ним она «покойна и вольна». С «Онегиным он вспоминает проказы, шутки прежних лет. Они смеются», т. е. они люди одного поколения, одного круга, одной семьи!

Второе задание касается Онегина: «Чего добивается он от Татьяны? Является ли его поведение чем-то исключительным с точки зрения морали светского общества? Изменился ли он за время отсутствия?» Ответы удручающие: Татьяна – жена «родни и друга»; по законам Православия она, ответив на чувства Онегина, может быть только его любовницей, общество на это смотрит сквозь пальцы, но очень строго в отношении «приличий»; Онегин за время отсутствия не изменился нисколько – до отъезда жертвой его «шутки» стал Ленский, теперь может стать муж Татьяны. И Татьяна говорит ему, что подобное поведение унижительно и бесчестно, только так можно понять её фразу «я знаю, в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь», т.е. вообще-то есть, но не здесь и не сейчас, об этом надо «знать», а

то не видно, но что она его любит, хотя в их отношениях это ничего не меняет, Онегин «как громом поражён».

Вот, пожалуй, один из самых ярких примеров столкновения несовместимых культур – православной сотериологической (в образе Татьяны) и западной эвдемонической (в образе Онегина). Воспитанный европейцами: «мадам» и «мсье», он бессознательно усвоил мораль, что цель и содержание жизни – это удовольствие, что высшая ценность – он сам, и «гордый свет» его поведение одобрил: «...умён и очень мил».

А Татьяна усвоила именно нравственность, причём без «классов и сословий» - народную, национальную. « В глуши, в деревне», в «простой русской семье» небогатых помещенных дворян откуда взяться морали, если нет её носителя – социальной группы, объединённой общими интересами? А кто есть? Маменька и няня, причём жизни той и другой похожи в главном: обеих родители выдали замуж «не спрося её совета», обе вдовы и тепло вспоминают мужей, обе верны и чистосердечны, разница одна: няня и «не слыхала про любовь», а маменька слыхала – кузина рассказывала. Ещё была дворня и соседи – «добрая семья». Что их объединяло? Привычки милой старины», - говорит Пушкин и перечисляет... годовой церковный круг жизни – здесь все равны.

В итоге то, что для Татьяны естественно: смирение, терпение, верность обету, жертвенность, отсутствие тщеславия, неумение притворяться и лицемерить – для Онегина дикость, потому что отрицающие нравственные основы жизни люди так и действуют – только из собственных интересов. Это мораль дикаря. И наоборот, эгоцентризм, гордыня, пренебрежение, безответственность, холодность Онегина превращают его в «пародию» на человека в глазах Татьяны. Но они любят друг друга! Что делать? Ничего. Страдать и терпеть, что они оба и делают, только для неё это естественно и понятно, а для него противоестественно и непонятно. Кстати, если роман открывается монологом Онегина, то заканчивается приходом мужа Татьяны – немаловажная деталь: этот дом и эта женщина принадлежат ему...по законам нравственности.

Анализ лирического стихотворения А.С Пушкина «19 октября (1927)» с позиции Православия

Не надо думать, что религиозность лишь там, где помянуто имя Божие или процитировано Писание. Бог незримо присутствует в событии – ожиданием своим, что человек откликнется на Его истину...

Известно, что стихотворение «19 октября(1827 г.) создано к годовщине Царского лицея и при чтении его Пушкиным на собрании лицеистов было воспринято как спонтанная импровизация. Но продуманность композиции, отточенность формы говорят о тщательной подготовке этого экспромта. Обратимся к тексту:

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, Чарской службе,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

Это стихотворение – благословение и перечень ситуаций, в которых человеку нужна Божья помощь. Перечень этот дан строго систематизировано. В первой строфе – благоприятные ситуации в порядке нарастания их значимости. Во второй строфе в порядке возрастания их отрицательного значения – оппозиционными парами, антитезами. Если свести все антитезы в таблицу, это будет выглядеть так:

№	Негативные ситуации	Позитивные ситуации
1	Житейские бури	Заботы жизни
2	Житейское горе	Царская служба (карьера)
3	Край чужой	Пиры дружбы
4	Пустынное море (одиночество)	Таинства любви
5	Мрачные пропасти земли (смерть)	_____

Пятый элемент – не парный, перегружает негативную сторону шкалы: смерть противопоставлена всей человеческой жизни и завершает ее, как восьмая строфа завершает все стихотворение. Это стихотворение – формула жизни.

В композиционном плане в стихотворении соблюдается строгое равновесие – идеальная правильность.

Такое сочетание идеальной формы – симметрии и смысловой асимметрии, дающей множество смысловых оттенков, и есть свойство настоящей поэзии – свойство, которому нет названия, и чтобы его передать остается воспользоваться выражением Платона – «легкий ветерок красоты».

Три свойства могут служить признаком настоящей поэзии:

- суггестивность – энергия волевого внушения;
- пророчество – открытие тайн и законов жизни;
- благословение – излучение любви через слово

Даже одного из этих свойств достаточно, чтобы дать стихотворению поэтическую силу. У Пушкина эти три качества явились вместе в восьмистрочной миниатюре.

Стихотворение повторяет смысл и форму русского православного восьмиконечного креста. Восемь – число и знак вечности, знак Воскресения Христа, а значит символ Спасения. Вертикальный луч означает любовь и связь между людьми и Богом, горизонтальный – любовь и связь между людьми. Верхняя и нижняя планка креста в стихотворении выражена Благословением, смысловая асимметрия последней строки повторяет наклон нижней планки – символа схождения Христа в ад и спасения грешников, возведение праведников.

Православный Лермонтов

Во второй половине XIX века постепенно сложилось противоположное мнение, согласно которому в зрелом творчестве Лермонтова все-таки возобладало христианско-мистическое направление, явленное в лучших и потому самых весомых произведениях.

А.О. Смирнова, лично знавшая поэта, в своих воспоминаниях, составленных в 1870-х – начале 1880-х годов, заметила: «У него религиозная струна очень поразительна»

Вопрос о борьбе части высших духов с Богом-Творцом привлекал Лермонтова всегда, что, в частности, нашло отражение в работе над поэмой «Демон», начатой в 1829 году, длившейся в течение всей творческой жизни и запечатлевшей постепенный переход от сочувствия Демону к осуждению его как «духа порочного», «злого»[. Резкий перелом авторского отношения обозначился в переработке 1838 года, когда в заключительном посвящении, в самой последней строке всё содержание поэмы названо «больной души тяжелым бредом»

Однако в первые годы творчества Лермонтов порой усматривал некую мрачную привлекательность в демонической одержимости. Позднее, в «Сказке для детей» (1839–1840), изображая демона насмешливо-уничтожительно, поэт вспомнит:

Я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.
...Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. Меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял.

Подобное болезненное состояние «юного ума» выразилось, например, в стихотворении «Мой демон» (1829), где о духе-покровителе сказано:

Собрание зол его стихия.
...Он недоверчивость вселяет,
Он презрел чистую любовь,
Он все моления отвергает,
Он равнодушно видит кровь.

Впрочем, уже в одноименном стихотворении 1831 года то же самое настроение развивается до грани разочарования в демонизме:

И гордый демон не отстанет,
Пока живу я, от меня...
И, дав предчувствия блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

Сходный упрек Творцу, выраженный в еще более сдержанном намеке, звучит в «Ангеле» (1831): здесь изображается, как ангелы Божии низводят в несовершенный земной мир «души молодые», обрекая их на скуку, томление, страдание – ведь из песен ангелов эти души узнают о «блаженстве безгрешных духов». В душе юного Лермонтова таится вопрос: зачем «Бог великий» не сотворил человеческие души безгрешными, зачем позволил ряду ангелов пасть в порыве самоутверждения, зачем не сохранил на земле рай? Поэту еще не внятна мысль о величии богоданной свободы выбора, дарованной разумным тварям, – и прежде всего выбора между верностью и неверностью Богу.

В стихотворении «Смерть» (1830 или 1831) изображается обратный, наступающий после «земного краткого изгнания» путь души к Богу. Поэту представляется, что и после земных страданий и заблуждений, невольных и невинных – «детских» (с точки зрения лирического героя), – Бог не допускает душу в вечный мир счастья и блаженства, но требует непонятного для нее раскаяния:

Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидеть ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?

Не решаясь прямо богохульствовать, Лермонтов представляет всё случившееся страшным сном и даже во сне обрывает свой ропот:

Я на Творца роптал, страхась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...

Но замер голос мой, и я проснулся.

Здесь выразилась обычная у Лермонтова незавершенность, непоследовательность демонизма, готовность уступить воле Божией.

В «Желании» (1832), юный поэт молится искренне, но пребывая в состоянии неосознанного своеволия, и потому прошение оттесняется повелением, а обращение к личному Богу – взыванием к неопределенному духовному множеству: «Дайте мне...». И в то же время, например в стихотворении «Как в ночь звезды падучей пламень...» (1832), поэт признает, что подобные «мечтанья рая» (о которых говорится в «Желании») по сути призрачны, обманны, ибо навеваются падшими духами в душу, им уподобляющуюся (символ «звезды падучей»):

Молю о счастии, бывало,
Дождался наконец,
И тягостно мне счастье стало,
Как для царя венец.
И все мечты отвергнув, снова
Остался я один –
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.

Таким образом, разочарование в демонизме зрело в душе Лермонтова изначально. Уже в раннем творчестве, исследуя возможности демонизма, поэт показывает, как на такой почве развивается неверие ни во что, нежелание жить:

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключениями – тоска.

Позднее это настроение он чеканно выразит в стихотворении «Благодарность» (1840), а также «И скучно и грустно» (1840).

По мнению зрелого Лермонтова, неверующее сознание, проистекающее из демонического богоборчества, – это основная «болезнь» века. Он описал эту болезнь в образе Печорина, как объяснил потом в предисловии ко второму изданию романа «Герой нашего времени».

В 1829 году, в пору первого творческого цветения, Лермонтов пишет стихотворение «Молитва» (по сути – покаяние перед Богом), в котором выражено осознание греха гордости и своеволия как «заблуждения» уклоняющейся от Бога души:

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю...
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далеко от Тебя...
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

В стихотворении «Исповедь» (1831) поэт пытается заставить свою сомневающуюся душу увериться в ценностях христианской веры: «Я верю, обещаю верить...» Ключевым для творчества Лермонтова мистическим стихотворением, подводящим итог былым терзаниям души и предугазывающим путь духовного совершенствования, стало знаменательно незавершенное «Когда, надежде недоступный...» (1834 или 1835):

Тогда молитвой безрассудной
Я долго Богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь? – он вещал. –
Ты жить устал? Но Я ль виновен;
Смири страстей своих порыв,
Будь, как другие, хладнокровен,
Будь, как другие, терпелив...»

Стихотворение «Смерть поэта» (1837), став откликом на известие о гибели Пушкина, в то же время оказалось и свидетельством дальнейшего обращения Лермонтова от поэтического богоборчества к поэтическому богопочитанию. Узнав о дуэли Пушкина, он, как полагают, написал первые 56 строк «Смерти поэта» 28 января, когда Пушкин был еще жив. Спустя несколько дней были дописаны последние 16 строк (со слов: «А вы, надменные потомки...»). В дни молчания, разорвавшего работу над стихотворением, в душе автора совершались глубинные перемены, издавна назревавшие.

Начинается стихотворение привычным для раннего Лермонтова желчным обвинением, брошенным обществу, миру, а вместе с тем и неназванному Богу: «Судьбы свершился приговор!» Но уже в конце первой части настроение меняется, осуждающие вопросы обращаются еще к Богу, но уже и к поэту:

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет завистливый и душный...

Подспудное богоборчество переходит в смирение перед Промыслом, а с тем сглаживаются и упреки Пушкину, так что в образе убиенного поэта даже проявляются черты, уподобляющие его невинно пострадавшему Христу. Вопрос, сумел ли Пушкин распорядиться своей жизнью так, чтобы исполнить высшее предназначение, в конечном счете решается по-

ложительно, и в излучении соответствий возникает образ примерного христианина, призванного в подражание Богу Сыну смиренно нести крест свой в этом мире, несовершенном уже не по вине Творца, но по вине твари:

И прежний сняв венок – они венец терновый,
Увитый лаврами, надели на него:
Но иглы тайные сурово
Язвили славное чело...

Наконец, в последних 16 строках звучит голос не просто христианина, но пророка, раба Божиего, верного даже до смерти, свободного от мирских уз: «Но есть и Божий суд, наперсники разврата!».

Позднее Лермонтов пишет ряд стихотворений, пылающих пророческим обличением общества: «Дума», «Поэт», «Пророк». Он ступил на тот путь, которого страшится изображенный им «писатель» в стихотворении «Журналист, читатель и писатель» (1840):

К чему толпы неблагодарной
Мне зло и ненависть навлечь,
Чтоб бранью назвали коварной
Мою пророческую речь?

Иногда пророческое библейское настроение обретает некий исламский оттенок, как в стихотворении «Поэт» (1838), поскольку в те годы Лермонтов пристально приглядывался к мусульманству в его кавказском изводе (это увлечение отразилось и в «Валерике»).

В то же время возникает ряд стихотворений, обращенных не к падшему и обличаемому миру, а к Самому Богу. По настроению это мистические молитвы, более или менее ясно выражающие православную веру, как в «Ветке Палестины» (1837) и «Молитве» (1837), или, по крайней мере, обобщенно передающие христианско-библейское богопочитание, как в «Молитве» (1839) и в стихотворении «Ребенка милого рождение...» (1839), а также в созерцаниях вроде «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837) и «Выхожу один я на дорогу...» (1841).

Глубинный образный слой «Смерти поэта» запечатлел духовный сдвиг в душе автора: поэтическим словом и делом он заявил о своей готовности к христианскому подвигу, подвижничеству, обрекающему на тяготы и мирские гонения. Отраженные в стихотворении крестные страдания Христа напоминают о Его учении, призывающем каждого христианина умереть для мира сего и воскреснуть для истинной жизни, основанной на богопочитании. Как поэт, сам Лермонтов готов на смерть, на отказ от прежнего творчества ради воскресения к новому, мистическому творчеству.

Лермонтов изначально склонялся к убеждению в порочности творчества, угождающего миру сему. Уже в «Молитве» 1829 года «лава вдохновенья», рождающая «грешные песни», пугает поэта и заставляет просить Бога:

Но угаси сей чудный пламень...
От страшной жажды песнопенья
Пушай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращаюсь.

Однако уже само появление подобной «Молитвы» опровергает мысль о невозможности поэтически выраженного богопочитания (как опровергает и вся история христианской словесности). Понимал это, конечно, и Лермонтов. Позднее, в 1839 году, он сузил область порицаемого искусства, отнеся сюда только произведения самолюбивого, проникнутого мирской страстностью творчества:

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно – тяжелый бред души твоей больной

Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи...

Впрочем, и в 1840 году в стихотворении «Есть речи – значенье...» поэт приветствует неопределенное, но явно не мистическое, а скорее магическое вдохновение, которое по смыслу «темно и ничтожно», по духу же полно «безумством желанья»; и несет его «из пламя и света рожденное слово», поставленное выше мирской «битвы», но и храмовой «молитвы» (1; 40–41). Это стихотворение, внешне чеканное, а внутренне смутное и противоречивое, свидетельствует о незавершенности духовного становления Лермонтова.

Склонность поэта к христианской мистике, обозначившаяся изначально и особенно отчетливо проявившаяся со второй половины 1830-х годов, не позволяла его демонизму развиваться до степени солипсического самообожения, при котором весь мир, окружающий человека, мыслится производным от его творческой мощи, воли, воображения, «мечты». Несколько раз Лермонтов обращался к подобному мировоззрению, воспроизводил его возможности и тут же отвергал его как обманчивое и несостоятельное. Так, уже в «Русской мелодии» (1829):

В уме своем я создал мир иной
И образов иных существованье;
Я цепью их связал между собой
И дал им вид, но не дал им названья;
Вдруг зимних бурь раздался грозный вой, –
И рушилось неверное созданье!..

В стихотворении «Мой дом» (1830–1831) внешний мир, переходящий через восприятие во внутренний мир человека, признается действительно существующим и сотворенным Богом; именно потому и внутренний мир души оказывается прочным и бесконечно величественным «домом»:

И Всемогушим мой прекрасный дом
Для чувства этого построен,
И осужден страдать я долго в нем,
И в нем лишь буду я спокоен.

А вот «цепь обманчивых видений», сковывающих внутренний мир человека, по мнению поэта, «одно воображение творит» («Смерть»; 1830–1831).

В стихотворении «Как часто пестрою толпою окружен...» (1840) поэт признается: «Люблю мечты моей созданье», однако в конце концов называет такой мечтательный мир «обманом». Всё та же склонность к христианству не позволяла Лермонтову утешаться и обычным пантеизмом – самозабвенно растворяться в обожествляемой природе. Он неоднократно пытался вжиться в это мировосприятие и всегда останавливался как перед чем-то запретным.

В раннем стихотворении «Крест на скале» (1830) пантеизм поначалу представляется приемлемым как род борьбы со Христом. Борьба эта сказывается в том, что главный символ христианства – крест – «чернеет», «гниет» и «гнется», а христианство представляется лишь как несовершенная ступень к пантеистическому самоубийственному самообожению:

О, если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия,
И с бурею братом назвался бы я!

Однако и здесь пантеистический экстаз дан в сослагательном наклонении – как нечто трудно достижимое, хотя и желанное, а главное, и в экстазе поэт всё-таки надеется сохранить свое «я» (потому слово «я» и оказывается заключительным). Так что в целом пантеистическое намерение гасится здесь в обычном для раннего Лермонтова демонизме, непоследовательном и сдержанном противоположными, христианскими порывами души (потому и в демонизме поэт никогда не предается полной одержимости, полному вытеснению собственного «я» духом, пришедшим извне).

В стихотворении «Небо и звезды» (1831) пантеистическое устремление души также едва намечено и совмещено с гордым (по сути демоническим, люциферическим) желанием стать небесной звездой и одновременно сохранить свое самосознание – оттесняя вызывающие зависть «звезды» и занимая их «место»:

Только завидую звездам прекрасным,
Только их место занять бы желал.

Со второй половины 1830-х увлечение демонизмом сменяется смиренной воссоединяющей любовью к богозданному миру, прекрасному и благодному, проникнутому Божественной волей и осененному Личностью Бога. В стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837) природа одушевлена, причем не стремится поглотить личность человека, а, напротив, лелеет ее: «ландыш серебристый приветливо кивает головой», «студеный ключ играет» и «лепечет... таинственную сагу», и Сам Бог-Творец, вездесущий, но не совпадающий с творением, а возвышающийся над всем, предстает смиренно-внимательному взору:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

Сходное настроение и в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (1841):

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

И человек смиренно желает войти в райское, близкое Богу бытие, не утрачивая свою личность: ему хочется «заснуть» достаточно глубоко, чтобы забыть прежнюю несовершенную жизнь, но достаточно чутко, чтобы воспринимать и препровождать новую, счастливую, овевающую и осеняющую душу жизнь, возникающую не в призрачном самочинном воображении, а в действительно даруемом от Бога едином внешнем и внутреннем мире (представление, намеченное еще в раннем стихотворении «Мой дом»).

«Мцыри» – исповедь христианина

Еще на 17-м году жизни Лермонтов решил выразить сокровенные мысли и чувства в поэме о семнадцатилетнем монахе: «Написать записки молодого монаха семнадцати лет. С детства он в монастыре; кроме священных книг не читал. Страстная душа томится. Идеалы...». Так возник отрывок «Исповедь» (1831). В целом этот замысел тогда не осуществился, но зато были написаны стихотворения «Ангел» (1831), «Парус» (1832), в которых можно видеть зерна будущей поэмы «Мцыри».

Название поэмы Лермонтов пояснил в примечании: «Мцыри на грузинском языке значит “неслужащий монах”, нечто вроде “послушника”» (2; 50). Приблизительный перевод словом «послушник» резко подчеркивает в названии оттенок послушания, смирения, давая тем самым установочное определение нрава главного героя: в нем зреет монашеское начало. Одной из причин замены первоначального названия «Бэри» – с примечанием: «Бэри по-грузински – монах», видимо, было желание автора подчеркнуть не результат духовного развития, а самый ход его, само становление личности.

Под названием расположена еще одна важная составная часть поэмы – эпитафия: «Вкушая, вкусих мало меда, и се аз умираю. 1-я Книга Царств» Это библейское изречение. Обращение к Библии само по себе немаловажно: оно закрепляет общую духовно-вероучительную устремленность повествования. В 14-й главе 1 Книги Царств повествуется о том, как на исходе успешного сражения с филистимлянами царь израильский «Саул сотвори безумие велие... и закли людие, глаголя: проклят человек, иже ясти будет хлеб даже до вечера, дондеже отмщу врагом моим» (1 Цар. 14: 24). Сын царя Ионафан, не ведая о клятве отца, во время краткого отдыха вкусил дикого меда, отчего у него прибавилось сил и прояснилось

зрение. Саул, узнав о нарушении клятвы, определил виноватого с помощью жребия и молитвы. Тогда Ионафан признался: «Вкушая, вкусих мало меду, омочив конец жезла, иже в руку моею, и се, аз умираю» (1 Цар. 14: 43). Ионафан виновен, поскольку нарушил обет, пусть и данный опрометчиво, но все-таки данный Богу от лица народа помазанником Божиим – царем. Но Ионафан нарушил обет по неведению, то есть невинно, и, значит, в какой-то мере он не виновен; а главное, он ведет себя в этом положении смиренно, не оправдываясь, с сознанием своей зависимости от случившихся по попущению Бога обстоятельств, и потому Бог избавляет его от казни.

Эпиграф настраивает читателей на восприятие главной мысли поэмы: если нарушение Божией воли (преступление) совершается по неведению, поначалу невинно, то когда это нарушение осознается (а осознается оно в естественном развитии событий), степень вины «преступника» целиком зависит от его смирения или, напротив, гордыни, от признания или непризнания себя за виноватого. Так перед каждым возникает выбор: либо смириться и жить в служении Богу и добру, либо воспротивиться и погибнуть в озлоблении.

С христианской точки зрения, каждый человек уже в невинном младенчестве обречен на «преступления». Сладость недозволенного меда в истории с Ионафаном напоминает вожделенность райского запретного плода из первой книги Библии (с той только разницей, что первые люди в раю согрешили сознательно, зная о запрете). Уже рождение человека в мире для Лермонтова есть невольное и неизбежное отдаление, «отпадение» от Бога: начало предустановленных испытаний, искушений, череды вольных и невольных преступлений («Ангел»).

1-я главка поэмы обобщенно знакомит с художественным миром, его образным строем и духовными вопросами. Сначала описывается некогда могучий, а ныне ветхий христианский монастырь, в котором обитает «один старик седой, / Развалин страж полуживой» Однако мотив запустения, угасания жизни неожиданно и полностью снимается во второй части главки:

И Божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

Таким образом, в сюжет изначально входит важный для понимания судьбы героя мотив воскрешения и одновременно преображения увядающих проявлений жизни – с помощью «Божьей благодати». Образ упраздненного монастыря, некогда бывшего средоточием «Божьей благодати» на земле, сменяется образом целой страны, осененной благодатью. Монастырь, в очертаниях которого легко угадывается предназначенность для защиты («башни», «стены хранительные», «скважины» бойниц), теперь упразднен за ненадобностью, поскольку вся Грузия оказывается как бы одним большим монастырем, Божиим садом, отблеском рая – «за гранью дружеских штыков» родственной христианской армии.

Главки 3–7 – еще одно «введение»: от лица самого Мцыри. Он уже все пережил, обрел важный духовный опыт и начинает исповедь с признания (возможно, еще невольного) ее благодатной силы:

Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь.

И тут же высказывает еще одну важную для христианина мысль: «Но людям я не делал зла». Отсутствие озлобления, не раз подчеркнутое в поэме, указывает на невинность «преступления» героя (что обозначено уже в эпиграфе). Впрочем, Мцыри начинает говорить «гордо», а это отнюдь не христианское чувство. Печатью гордыни отмечена вся исповедь, равно как постоянно описывается и смывание этой печати наплывами смирения.

Найденный Лермонтовым художественный угол зрения позволяет совместить сразу три разновременных отпечатка гордости в душе Мцыри: во-первых, ту «дикую» гордость, которая обуяла его во время бегства; во-вторых, уже в значительной мере подавленную гор-

дось в момент исповеди накануне ожидаемой смерти; в-третьих, слабый отсвет былой гордыни в душе Мцыри-христианина, когда он спустя годы после выздоровления пересказывает свою юношескую исповедь и, словно бы вживаясь в прежний образ, невольно искушается «прелестью» и силой испытанного порыва. Возможен здесь и налет «толковательной» гордости повествователя-автора, поэтически пересказывающего пересказ исповеди, услышанный от Мцыри. Памятуя об этом, легче понять постоянные колебания между гордостью и смирением в самой исповеди. Гордая точка зрения дается в прямых рассуждениях героя, а смиренное мировосприятие постоянно присутствует в образной глубине повествования, и ясно почему: Мцыри невольно привносит в пересказ былой исповеди свой нынешний взгляд, добавляя, таким образом, позднее обретенное смирение к первичному (возникшему в опасной болезни) – однако добавляя непроизвольно, вопреки желанию воссоздать юношеское настроение и мировосприятие.

Мцыри трудно расстаться с искушающей его обольстительной мечтой о земной родине, но в конце концов он вынужден смиренно признать действительность родины небесной, хотя еще порывами пытается отказаться от нее:

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожег свою тюрьму
И возвратится вновь к Тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданья и покой...
Но что мне в том? – пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! – за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

Эта 25-я главка – вершина духовных переживаний героя. «Пламень» в душе человека – от Бога, и гордый порыв к верховной свободе неизбежен и предусмотрен Творцом; в этом порыве человек совершает кривую невольного, невинного блуждания, «блуда» страстей и помыслов, но затем поворачивается к своим духовным истокам, к Богу – и оказывается в положении неизбежного сознательного выбора дальнейшего пути. Если человек избирает служение Богу, то пламень в груди его пресуществляется в огонь священнодействия; если же отрывается от Бога – в груди распаляется адское пламя, то самое, которое палило Мцыри под конец его блужданий. Возвраты в положение сознательного выбора повторяются в жизни человека неоднократно, пока один из подобных возвратов не становится последним и решающим, переводящим существование из времени в Вечность, на рассмотрение Страшного суда. Именно таким христианским умозрением проникнут образный строй поэмы.

Называя исповедника «отцом», Мцыри высказывает непроизвольную догадку о своей истинной духовной отчизне, и не случайно он просит похоронить себя в пределах монастырского сада, а не за пределами, не в лоне дикой природы, отторгнувшей его (гл. 26).

В 25-й главке он невольно, почти бессознательно выражает предчувствие возможной для него в будущем райской жизни как предуготовленной его зарождающимся смирением.

Желая встретить последние минуты жизни в монастырском саду, Мцыри невольно признает, что только здесь, за оградой христианской веры, природа, особо проникнутая Божественной благодатью, являет собой некое подобиерая на земле:

Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!

Отсюда, в отдалении, прекрасной видится ему и природа дикого Кавказа. Мцыри на опыте убедился, что сама по себе она оказывается царством жуткого хаоса – для того человека, который бежит из-под крова всё устрояющей благодати Бога.

Последнее, что хочет пережить Мцыри, – братская и дружеская любовь:

И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..

Подобный смиренный отказ от проклятия совершенно не свойственен вере языческой, родовой, возвышающей кровную месть. В мечтах юноша, казалось бы, стремился к родо-кровной, первобытно-стихийной жизни, но, как убеждает нас автор, герой сам не понимал, к чему стремился. Родина является ему в памяти очищенной от признаков насилия, крови, мести; он воспринимает их лишь косвенным зрением:

И блеск оправленных ножен,
Кинжалов длинных... и как сон
Всё это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.

В родных краях Мцыри был еще младенцем и жил сравнительно невинной жизнью, более естественной для человека, с христианской точки зрения (Христос говорит о близости детей к Царствию Небесному). Основные детские впечатления Мцыри проникнуты любовью и смирением. Он вспоминает сестер, «лучи их сладостных очей / И звук их песен и речей» (2; 56); он вспоминает «мирный дом», кроткую природу и «рассказы длинные о том, / Как жили люди прежних дней, / Когда был мир еще пышней» (см. гл. 7).

В конце исповеди Мцыри смиряется и, следовательно, духовно исцеляется, а в этом – залог и физического исцеления от болезни. Первоначальное название «Бэри», прямо указывающее на то, что герой выжил и принял постриг, Лермонтов снял, но зато оставил более тонкий и сильно действующий на «сверхсознание» намек: исповедь Мцыри, по христианским законам, мог предать гласности лишь он сам (наблюдение Т. Горской, созвучное широко известным свидетельствам А.П. Шан-Гирея и А.А. Хастатова, согласно которым – в рассказе П.А. Висковатого[25] – Лермонтов в Грузии услышал от одного старого монаха историю его жизни и основал на ней свою поэму). У Лермонтова нет прямых указаний на то, что Мцыри принял после исцеления постриг (косвенно намекает на это образ старого монаха в 1-й главке). Но важен весь строй исповеди героя, в которой запечатлелось постепенно нарастающее в душе смирение. Несомненно, что Мцыри духовно преобразился, стал обретать христианский взгляд на мир, а это главное.

Ясный намек на телесное и духовное исцеление героя дается эпиграфом: Ионафан был уверен в своей неминуемой скорой гибели, однако он ошибся. Подобным образом ошибся в ожидании своей смерти и Мцыри (наблюдение А. Карауловой).

С учетом таких обстоятельств повествования прием передачи исповеди от первого лица внушает мысль об особой художественной одаренности самого героя, о его гениальном поэтическом вдохновении. В связи с этим особую ценность обретает наблюдение Е.М. Пульхридовой, заметившей, что вся поэма пронизана образными связями, ведущими к «Пророку» Пушкина, начиная от божественного пламени в груди, изливающегося в словах, и кончая картинами природы, просветленной Божественной благодатью[26]. В поэме косвенно изображается не просто духовное преображение человека и его обращение к Богу, но редкостное призывание к пророческому служению: облечение человека даром ясновидения и словами

сверхъестественной силы и власти. Об этом говорится в пушкинском «Пророке», об этом же свидетельствует гениальная исповедь Мцыри, намеренно взятая в кавычки, изложенная от его лица. В лермонтовском «Пророке» (1841) принят тот же самый слог, но только не в его становлении, а уже в полном расцвете:

С тех пор как Вечный Судия
Мне дал всеведение пророка...

Мцыри пытался уклониться от предначертанной ему пророческой доли. Этому сопротивлению есть соответствия в Библии, например в Книге пророка Ионы, автор-герой которой за свою строптивость при избрании был наказан трехдневным томлением в чреве кита. Так и Мцыри три дня блуждал в «чреве» дикой природы (в данном случае символика трех дней соотносится еще с трехдневной смертью Лазаря, воскрешенного Христом на четвертый день, и с Воскресением Самого Христа на третий день после смерти). В свете этих символов трехдневная «свобода» героя воспринимается как смерть, за которой должно последовать воскрешение к истинной жизни.

Мцыри исповедуется в своем невинном грехопадении (невинном, потому что волевое движение к личной свободе, чаемой за пределами монастыря и вообще христианства, не осознавалось им как грех). Грехопадение совершается трижды, как бы на трех ступенях бытия, и это последовательно описывается в главах 8–10, затем 11–21 и наконец 22–23.

Сначала (гл. 8–10) повествуется о поступке, соответствующем грехопадению сатаны и союзных с ним ангелов (ставших бесами). Этот изначальный грех – стремление к свободе, могуществу, власти как таковым (в дальнейшем герою суждено пережить и более свойственное человеческой природе грехопадение):

Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...

Своеволие «бурного сердца» приводит к тому, что Мцыри спускается с поднебесных монастырских высот (в духовном и земном пространстве) подобно тому, как сатана-Люцифер в библейской истории, будучи изначальным подобным звезде, ниспал с неба. Для героя наступает время приземленного блуждания и неведения, время возрастания гордыни, которая, впрочем, по мере роста всё более стесняется и подавляется «обстоятельствами».

Бежал я долго – где, куда?
Не знаю! Ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.

Когда на новообретенном уровне бытия хаос природы чуть проясняется, перед героем возникает разнообразно «змеиный», лукаво-извилистый мир, и человек, попавший в этот мир, смотрит на всё глазами змея (а змей – личина павшего сатаны в Библии):

Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой
Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал,
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался как змей.

Так в повествование исподволь «вползает» образ змея-искусителя, которому сопричастен и сам падший, сам себя невольно искушающий человек. Сознание возвращается к Мцыри на краю пропасти, по дну которой змеится поток, такой же «ропчущий», как и «упрямая груда камней», с которой он ведет неустанную борьбу. «Змеиные» блики отбрасываются и на облик родины, о которой мечтает Мцыри («в ущелье там бежал поток»). Светлая мечта о родине, о детстве начинает разлагаться, словно под мертвящим взглядом василиска, и даже сам образ дитяти теперь в сознании героя связывается со зверем, зверем презренным, нечистым – шакалом.

По ходу исповеди обуревающая героя гордыня всё более проникается светом христианской оценки: гордыня (несмирение, сопротивление божественно уравновешенной жизни мира) – мать всех пороков и страстей, порождение сатаны, который первым возгордился. Образ сатаны, сокрушенного в его гордости и низверженного с небес, тут же и возникает в сознании героя (гл. 10), причем возникает после спасительного, хотя и краткого духовного просветления:

И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листы;
Дохнули сонные цветы,
И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю,
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

Бог в мире поэмы все-таки опекает падшего человека и дарит ему возможность возврата к истинной жизни. Падение героя словно приостанавливается на уровне, на границе «земного рая». Однако затем он прошел еще один круг искушения и грехопадения, на этот раз уже чисто «человеческого», еще более понижающего уровень духовного бытия (гл. 11–12). Змей, которого несет в самом себе падший человек, не может не искушать. Вот посреди райской природы змеится виноградная лоза со спелыми гроздьями – распространенный (наряду с яблоком) символ запретного плода. И растительность тут же обретает черты некоей женственности:

И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж деревьев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно...

Мцыри «припадает» к земле, как змей, и вслушивается в «тайны неба и земли». Он еще не совсем утратил то богоданное ведение, которое было дано человеку до грехопадения, в особенности до грехопадения в плотской любви, опаляющей страстями тонкий состав души. Мцыри, падшему пока только подобно демону, так же, как и демонам, доступны (и в то же время дразняще недоступны в последней глубине) многие тайны мира. Природа явлена герою так, как ее может видеть человек до плотского грехопадения – в гармонической, таинственной, духоносной красе:

И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас...

Но гордая духовная жажда, стремление вкусить запретный плод уже томит Мцыри, сочетаясь и сливаясь с естественной «телесной» жаждой. И вот в 12-й главке появляется «она» – утолительница той и другой жажды, или, вернее, единой жажды сладостного погружения в запретные области бытия. «Она» – женщина, молодая грузинка с кувшином. Ее глаза исполнены всё той же манящей влажной тьмы, что таится и в глубине сосуда (и та же тьма обволакивает героя ночью, с ее «миллионом черных глаз»). Предчувствуя встречу с нею и утоление жажды, Мцыри самозабвенно устремляется в пропасть, видом которой еще недавно ужасался. Сначала до него доносится только голос, звуковые волны песни, он ими жадно упивается, искушается (вкушает):

Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

Это именно песня духа-искусителя, духа сумеречного, духа наступающей тьмы. А потом Мцыри видит саму женщину, погружается в сладостную тьму ее очей – и теряет сознание, переживает подобие смерти. Так совершается второе, уже не свойственное гордым и бесплотным демонам «грехопадение» Мцыри. Знаменательно, что это описывается в 13-й главке – под знаком «нечистого» числа (здесь же заканчивается и первая, по общему счету главок, половина повествования и намечается перелом в судьбе героя).

Со времени второго «грехопадения», соответствующего вкушению запретного плода райского сада, Мцыри исторгается из пределов райской гармонии жизни. Природа окончательно поворачивается к нему мрачной, хаотической стороной. После сладостного забвения он очнулся уже ночью (гл. 14) и, намереваясь идти гордо и прямо к намеченной цели, начинает гибельные блуждания: «...и тут с пути сбиваться стал» (2; 61). Демон гордыни окончательно овладевает его душой, и для него наступает время «бешенства», «беснования»:

Напрасно в бешенстве порой
Я рвал отчаянной рукой
Терновник...

Вместо мечты о блаженном детском припадании к сосцам Матери-природы, Матери Сырой Земли он «в исступлении рыдал, / И грыз сырую грудь земли» Падая все ниже, он отдаляется не только от Бога, но и от людей, переходит на уровень звериного, кровожадно-бессловесного существования:

Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной...

В ознаменование этого окончательного «озверения» происходит бой Мцыри с барсом (гл. 16–18):

...сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови...

Герой тут же вспоминает «край отцов», и это не случайно: первобытная кровнородовая человеческая жизнь уравнивается в мире поэмы со звериной, дикой, природной; в ней есть своя «этика» и «эстетика», но все-таки она отчасти до-человечна, бесчеловечна, лишена возвышенной христианской одухотворенности.

В кровавом бою Мцыри переживает сплетение, срастание, породнение с барсом. После этого боя наступает возвращение к исходной точке блужданий: герою, совершившему еще один виток жизненного пути, предоставляется еще одна возможность выбора. Из духовного за-

тмения его выводит звук колокола. Но Мцыри не осознает благовест как помощь свыше и видит в нем досадное препятствие на пути:

Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых близких и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..

Православные мотивы во фронтовой поэзии (по творчеству К.М. Симонова)

Поэт-бард, поэт-скальд, поэт-баян всегда сопровождал в далеком прошлом войска, чтобы своим пением и декламацией поднимать боевой дух воинов. Кому ж, как не поэту, первому откликнуться на боль и горечь утрат, постигших нашу Родину в 1941 году? В числе самых первых и ярких поэтических голосов прозвучали стихи русского поэта Константина Михайловича Симонова, в которых он призывал соотечественников подняться на защиту Родины, которая

Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Константин Симонов сам встретил нашествие немецко-фашистских захватчиков в рядах действующей армии. Военный корреспондент вместе с красноармейцами отступал до Могилева, где был непосредственным участником славной обороны города, за которую Могилеву давно следовало бы присвоить почетное звание "Город-герой". И прах свой после смерти он просил развеять над местами этих боев. Почему Симонову так запомнилась оборона Могилева? А потому, что мощь фашистского огневого вала там была столь велика, что красноармейцу с винтовкой Мосина образца 1895 года оставалось только уповать на Бога и на верность воинскому долгу. И вот после могилевской обороны в стране воинствующих атеистов, в Советском Союзе, советский "в доску" поэт заговорил о кресте:

Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждою русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Причем Симонов намеренно уточняет и даже ужесточает свою "христианскую" позицию. Крест для него не просто символ христианского божества, а православный оберег, символизирующий, прежде всего, малую родину всех и каждого:

Ты знаешь, наверное, все-таки родина -
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

И еще одно отклонение от общепринятой тогда идеологии коммунизма и пролетарского интернационализма - возвращение к корням титульной нации России. Словно позабыв про новую национально-этническую общность под название "советский народ" поэт возвращается к глубинам русского характера:

По русским обычаям, только пожарища
На русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,

По-русски рубаху рванув на груди.

Не по-советски, не по-коммунистически, а именно по-русски, и никак иначе. Поэзия Симонова военной поры лишается советских трафаретов и стандартов так называемого социалистического реализма, а стучится прямо в сердце читателя. И за что призывает поэт бороться? Земля наша русская - не синие субтропики и не заморский тропический рай, а "горька" наша земля, как и жизнь на ней, но тем она и мила:

Нас пули с тобою пока еще милуют.

Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,

Я все-таки горд был за самую милую,

За горькую землю, где я родился.

Вообще отказ от чужих теплых и уютных земель был всегда характерной чертой русских поэтов, которых даже рай не прельщает, как у Сергея Есенина:

Если крикнет рать святая:

Кинь ты Русь, живи в раю!

Я скажу: не надо рая,

Дайте родину мою.

Опять в стихах о родине фигурирует рай, родина всех верующих, но родная земля все-таки ближе. И вот как Константин Симонов открыто, без обиняков развивает тему религиозного сознания:

Если бог нас своим могуществом

После смерти отправит в рай,

Что мне делать с земным имуществом,

Если скажет он: выбирай?

Выбор перед лицом Бога - давно известный мотив устного народного творчества. Этот выбор сделал и Христос в Гефсиманском саду и на тайной вечере. Симонов ставит лирического героя в сходную ситуацию. И сразу же первым делом поэту на ум приходит образ Марии Магдалины:

Мне не надо в раю тоскующей,

Чтоб покорно за мною шла,

Я бы взял с собой в рай такую же,

Что на грешной земле жила, -

Злую, ветреную, колючую.

Хоть ненадолго, да мою!

Ту, что нас на земле помучила

И не даст нам скучать в раю.

"Раскаявшаяся блудница" словно вбирает в себя грехи всех женщин, оставшихся в войну без мужчин. Фронтовые связи быстротечны и неверны, а если уж не доведется соединиться на небесах, то поэт призывает на помощь память и вечную верность любви:

Взял бы в рай с собой все опасности,

Чтоб вернее меня ждала.

Чтобы глаз своих синей ясности

Дома трусу не отдала.

Материальная пуля в состоянии в доли секунды прервать земное существование солдата. Поэт смело заявляет, что вся наша земная жизнь неразрывна с будущим нематериальным бытованием, поэтому в ней все ценно:

Ни любви, ни тоски, ни жалости,

Даже курского соловья,

Никакой, самой малой малости

На земле бы не бросил я.

По отдаленной ассоциации сразу вспоминаются строки Иосифа Бродского, лишенного

пока еще тогда не жизни, а всего только Родины:

Ни любви, ни тоски, ни печали,
ни тревоги, ни боли в груди.
Словно целая жизнь за плечами,
и всего полчаса впереди...

Эти строки Бродского в сочетании с поэзией Симонова дают психологически верную картину состояния бойца перед атакой. Поэтому с такой решительностью поэт-атеист Константин Симонов напрямую разговаривает с Богом в раю:

Даже смерть, если б было мыслимо,
Я б на землю не отпустил,
Все, что к нам на земле причислено,
В рай с собою бы захватил.

То есть для Симонова без Родины и рай не рай. И там, на небесах русский человек будет тосковать без своей скромной и неброской Родины. Ратный подвиг на войны обеляет все грехи и продляет жизнь земную простому солдату. Но сам Господь Бог, подивившись на такую неизбывную тоску по Родине, не стал бы держать прощеную душу у себя в райском саду:

И за эти земные корысти,
Удивленно меня кляня,
Я уверен, что бог бы вскорости
Вновь на землю толкнул меня.

Фронтовая поэзия Константина Симонова почти не выделяется по глубине проникновения и неяркой стилистике из поэтического хора той грозной години. Но, думаю, так оно и должно быть. Ведь поэты были одеты в военную гимнастерку и выступали единым строем со всей страной против лютого врага. Голос каждого был составной частью великой патетической симфонии, которая воодушевляла бойца перед атакой и облегчала страдания раненым, звучала словами реквиема по убитым и утешением всем, понесшим непоправимую потерю родных и близких, утешить которых в состоянии только вера и молитва.

Авторская позиция и объективность прочтения художественного произведения

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». В этой заповеди заключено решение важнейшего вопроса о правде в искусстве, о критерии правды. Произведение всегда говорит истину: истину о состоянии души художника. А от состояния его души зависит полнота и истинность изображения мира. Т. е. глубина творчества зависит от меры духовности писателя. Вот где причина многих трагедий: сомнение затемняет видение высшей правды, за деревьями леса не видно. Мир во зле лежит, но существование и сила зла не означают отсутствия и поражение добра. Может быть, первым условием творчества должно быть достижение состояния, которое в Православии называется состоянием *с т р а с т и б е с с т р а с т н о й*? Но возможно ли тогда творчество в принципе? В этом отношении особенно показательно изучение рассказа Н. Лескова «Человек на часах», очень сложного для анализа и понимания в седьмом классе. Написан он в один из труднейших для писателя периодов – он переносил грех отдельных людей на Церковь, нарушал в изображении истинное соотношение добра и зла.

Рассудок писателя разлагал веру: «Верить более хочется, чем удаётся на самом деле». В натуре Лескова во всём властвовала стихия – во всех сферах жизни. Состояние это он характеризовал так: «ведёт и корчит»: «Верил в Бога, отвергал Его и паки находил Его; любил мою родину, и распинался с нею, и был с распинающими её!». Одна из главных тем творчества Лескова – отыскание и изображение проявлений типа праведника, он был убеждён, что без праведника жизнь невозможна.

Но в этом произведении критически изображён святитель Филарет (Дроздов), прославленный в лике святых. Случай показательный для решения труднейшего в литературоведении вопроса: авторская позиция, способы её выражения и объективность изображения и прочтения.

В основу рассказа положены действительные события. Случай, описанный в рассказе, по-русски простой и дикий. Стоявший в дворцовом карауле солдат по фамилии Постников услышал со стороны Невы крики о помощи: в полынье тонул человек. После долгих колебаний между состраданием и страхом наказания за нарушение устава, часовой покидает пост и спасает погибающего. Всё длилось полчаса, но солдат за это время стал ощущать «сомнение рассудка», потому что солдат этот был умный и исправный и знал, что оставить пост – такая вина со стороны часового, за которую следует военный суд, гонка сквозь строй шпицрутенами и каторга, а то и расстрел, если выживет. Беда не только солдату, но и начальству. К всеобщей радости, обстоятельства сложились так, что проступок солдата удалось скрыть, награду получил проходимец, объявивший себя спасителем. Батальонный командир подверг Постникова мягкому наказанию: 200 розог, за что тот и благодарил искренно отца – командира. Дети в полном недоумении, негодовании и, видя, что рассказ ещё не закончен, ждут справедливости в том виде, в каком мы её понимаем, тем более, что появляется новый герой, лицо подлинное, историческое – владыка Филарет (Дроздов). Задание ученикам: этот эпизод – диалог, вслушайтесь в интонацию автора, обратите внимание на детали, объясните мнение Филарета о случившемся и отношение автора к решению владыки.

А детали такие: в молчании – чётки, восковые персты, опять чётки, опять молчание, тихоструйная речь, тихоструйный перебив, пауза, чётки, тихоструй... И слова Автора: «Очевидно, и владыка был доволен...». Впечатление сильнейшее, возмущение учащихся тоже, они ждали подтверждения справедливости своих чувств, воздаяния, наконец-то, Постникову, а получилось «правды нет и выше...» Владыко – какая-то бесстрастная, бесчувственная фигура с примитивными жестами, иезуитским голосом, изощрённым словоблудием, при жизни ставший «восковым». Вывод однозначный: автор разочарован поведением и словами Филарета, духовенство в рассказе непривлекательно, оно – воплощение изощрённого лицемерия, равнодушия к простому солдату, трусливого невмешательства.

Но в тексте есть деталь, которая даёт возможность оценить всё происшедшее с иной точки зрения, не только с социальной или бытовой, но и с нравственной, даже духовной. Дело в том, что непутёвый прохожий тонет не просто в Неве: «Видно, что человек еще не потерялся и держит путь верно, прямо на свет фонарей, но только он, разумеется, все-таки не спасется, потому что именно тут на этом пути он попадет в иорданскую прорубь. Там ему нырок под лед и конец...» Оказывается, всё происходит накануне Крещения, праздника великого, события неповторимого, в жизни православных ни с чем несравнимого, потому что каждый из нас в этот день обретает в Господе отца. Преподобный Симеон Новый Богослов изъяснял: «Уверовавший в Сына Божия кается... в прежних своих грехах и очищается от них в таинстве Крещения. Тогда Бог Слово входит в крещёного, как в утробу Приснодевы, и пребывает в нём как семя.» Являясь только семенем, Дар Божий в крещении требует от человека возделывания, соработничества с Творцом, вне личных усилий крещение не может быть гарантией спасения... Царство Небесное силою берётся: «...ничего не бывает механически, а всё совершается с участием нравственно – свободных решимостей самого человека», – утверждает святитель Феофан (Говоров).

Поступок Постникова и есть нравственно-свободное решение человека в ночь на Крещение, после мучительного выбора солдат поступил по главному христианскому принципу, душу положил за ближнего своего, но каждому православному известно: ждать себе за это награды на земле – значит лишить себя награды небесной, Постников и не думает, в отличие от нас, ни о какой награде. А если бы он этого не сделал? Перечитайте эпизод, когда он вслушивается в стоны гибнущего..., страдания в духе страшнее розог, т. е. в посланном ему испытании он сознательно выбрал для себя меньшее страдание. И всё это понимает и знает владыко, он

ведь рассуждает с точки зрения Промысла и убеждён, что всё происшедшее принесло Постникову большую духовную пользу, духовно Филарет достиг состояния страсти бесстрастной, истины, которая «для иудеев соблазн, для эллинов безумие» Он оценивает события по другой системе ценностей: есть Богово, и есть кесарево. В царстве кесаря судят по кесареву закону – по уставу караульной службы, и поступают тоже по уставу. А на духовном уровне всё оценивается по критерию Спасения во Христе. И думается, поняли бы друг друга солдат и владыко. А о нас и о себе очень точно сказал Лесков: «Вера моя мала; она не даёт уму моему силы зреть столь высоко: я держусь земного и перстного».

Литература

1. Т. Л. Александрова «Антология русской религиозно-философской поэзии»
2. Бахтин 1970-1971 - Бахтин М.М. Из записей 1970-1971 гг. // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Бахтин 1979а - Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика художественного творчества. М., 1979.
4. С. А. Васильев «Христианские мотивы в комедии Грибоедова «Горе от ума», аналитическая статья
5. М. М. Дунаев «Вера в горниле сомнений
6. В. Н. Захаров «Достоевский и Евангелие» аналитическая статья
7. В. И. Мельник «Евангелие по Некрасову» аналитическая статья
8. Библия и русская литература. Хрестоматия
9. Диакон А. Кураев «Мастер и Маргарита. За Христа или против?»
10. И. Б. Ничипоров «Жанр молитвы в поэзии Бунина», аналитическая статья
11. В. И. Мельник «Библейский контекст стихотворений Пушкина», аналитическая статья

ПРОГРАММА
«ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Модуль дисциплины «Литература»

для студентов 1 курса специальностей:

44.02.02 Преподавание в начальных классах

44.02.05 Коррекционная педагогика в начальном образовании

Подписано к печати 11.05.2016 г.

Печать оперативная. Усл.п.л. 0,7

Заказ № 159. Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии Архиерейского подворья.
Россия, Самарская область, 445028, г. Тольятти, ул. Революционная, 74.
Тел./факс: (8482) 35-10-13, 35-34-72. E-mail: pkg@pravtlt.ru